

SLAVICA HELSINGIENSIA

50

Геннадий Обатнин

**«ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ»
СТАТЬИ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ**

2022

SLAVICA HELSINGIENSIA 50

Series editors Tomi Huttunen, Johanna Viimaranta, Max Wahlström

Publication was supported
by Raija Rymin-Nevanlinna Fund

Published by:
Department of Languages, Faculty of Arts
P. O. Box 24 (Unioninkatu 40 B)
00014 University of Helsinki
Finland

Copyright © 2022 Gennadi Obatnin
ISBN 978-951-51-7751-3 (paperback)
ISBN 978-951-51-7752-0 (PDF)
ISSN-L 0780-3281, ISSN 0780-3281 (Print), ISSN 1799-5779 (Online)

Editor: Olga Makarevich
Cover design: Laura Vainio
Printed by: PunaMusta

ПАМЯТИ ОТЦА

Содержание

От автора	5
-----------------	---

I

«Восьмидесятники» и «потерянное поколение 1914 года»	8
Русский модернизм и анархизм: из наблюдений над темой	43
Из наблюдений над модернистским историзмом	81
Из истории общественных настроений: пассеисты	98
Три эпизода из предыстории холодной войны	120
Протеус: еще раз о сатанистах XX века	163

II

Легендарный календарь «Поэмы без героя»	184
К вопросу о так называемой женской поэзии	211
Женская культура как развлечение мужчин	234

III

«Поэзия грамматики»	253
Две заметки о литературной мнемонике	280
Из наблюдений в области социопозетики	296

IV

Две заметки о локусе и топосе городского текста	310
«Северная любовь»	326
Аппарация картины. Этюд	347

V

Двести лет пошлости: очерк истории понятия	361
К изучению малых поэтов модернизма	393

Избранная библиография	429
------------------------------	-----

От автора

Для читателей, которым знакомо имя автора этой книги, наверно, требуется объяснить ее состав. Некоторые из вошедших сюда статей не свободны от изложения обстоятельств, порой хорошо известных специалистам, поскольку были написаны с просветительской или еще какой-нибудь околонучной задачей. В особенности это относится к работам из пятого раздела, которые были созданы на заказ, но и очерк о пассажирах предназначался для журнала по современному искусству. Их соседство с основным рабочим потоком видно уже из заглавий. Сделанные в жанре «наблюдений», эти материалы, как мне кажется, могут быть чем-нибудь полезны именно читателям университетской серии.

Однако прагматика этих текстов не определяла их тематику, и все они писались тогда, когда их автор не мог найти ответы в существующей литературе. С тех пор для многих из поднятых в них тем такая литература появилась, и мне лишь остается льстить себя надеждой, что это произошло не без их участия. Импульсом для повторной публикации стало желание завершить, а порой «исправить и дополнить» свои старые работы для второго издания, отсюда и название этой книги.

Более всего это желание касается статей из первого раздела, посвященных истории в ее разных аспектах. Однако, публикуя их еще раз, автор, подобно вагиновскому рассказчику, ощущает себя гробовых дел мастером. Поясню это на примере. Павсаний в своем «Описании Эллады», рассказывая о святилище Зевса в Додоне, приводит молитву в стихах, которую там произносили жрецы-Пелейяды: «Зевс был, Зевс есть, Зевс будет: о могучий Зевс. Земля посылает урожай, поэтому называйте ее Матерью». Финал этой фразы Вячеслав Иванов поставил эпиграфом к своему стихотворению «Земля», пригласив эту мать целовать («Братья! тогда лоно Земли лобзайте»). Не время останавливаться на этом мотиве ни у самого Иванова, ни на его очевидном прототипе, поцелуе земле Алеши Карамазова, ни на его появлениях в культуре модерна, вроде декорации Н. Рериха к «Весне священной» под названием «Поцелуй Земле» или признания М. Сабашниковой в дневниковой записи ее мужа: «Когда я целую землю, мне непременно заползают в рот насекомые». Важнее другое:

Русский модернизм и анархизм: из наблюдений над темой

Послереволюционный путь Александра Блока был ясен его современникам сразу после его смерти: «...отчаяние и потеря той веры, которая создала “Двенадцать” и “Скифов”» уже тогда назывались в качестве ее основной внутренней причины.¹ Одним из свидетельств этого отчаяния писателя, вызванного стремительным стагнированием, огосударствлением Революции, считается стихотворение «Пушкинскому Дому». Общеизвестно, что в знаменитой строке о «тайной свободе» поэта, позаимствованной Блоком из пушкинского стихотворения «К Н. Я. Плюсковой (“На лире скромной, благородной...”)), которое, наряду с другим текстом Пушкина, «Из Пиндемонта», многократно упоминается в дневнике Блока, отразились его размышления о свободе художника. Против ограничения ее «чернью», от цензурного до идейного, он выступил и в речи «О назначении поэта».

Несмотря на прозрачность стихотворения, попробуем еще раз взглядеться в его строки:

Что за пламенные дали
Открывала нам река!
Но не эти дни мы звали,
А грядущие века.
<...>
Пушкин! Тайную свободу
Пели мы вослед тебе!²
<...>

Поэт вспоминает круг людей, которые вместе мечтали о грядущем, и логичным будет предположить, что имеются в виду символисты — соратники Блока, с которыми он начинал литературный и общественный путь. Известно, что для Блока периода зимы и весны 1921 года была чрезвычайно важна идея нового объединения писателей-символистов, лежавшая в основе «Записок мечтателей»

¹ См.: Казанович Е. П. Из дневников Е. П. Казанович / Публ. В. Н. Сажина // Пушкинский Дом: Статьи. Документы. Библиография. Л., 1982. С. 172.

² Блок А. А. Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999. Т. V. С. 96. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома и страницы арабскими цифрами.

Алянского и отчетливо выраженная в наброске издательского объявления для «Алконоста» в дневнике от 2 февраля: «Тот факт, что вокруг него соединилась группа писателей, примыкающих к символизму, объясняется, по нашему убеждению, лишь тем, что именно эти писатели оказались по преимуществу носителями духа времени».³ Черновик речи «О назначении поэта» вписан в дневник на третий день после написания стихотворения «Пушкинскому Дому» (5 февраля), где именем Пушкина не только шумят ломающиеся весенние или оттепельные льдины (Пушшшкин), но и перекликаются (Пууушкин):

Это — звоны ледохода
 На торжественной реке,
 Переключка парохода
 С пароходом вдалеке.

(5, 96)⁴

Как уже было сказано, основной эмоциональный контекст стихотворения «Пушкинскому Дому» — осознание Блоком конца Революции, начала нового «черного дня».⁵ Заметим, что вычерчивание круга даже не столько единомышленников, сколько людей, совместно переживших историческое событие, т. е. поколения в том смысле, какой ему придан в стихотворении «Рожденные в года глухие...», появилось у Блока уже в стихотворении «Так. Буря этих лет прошла...» (1909), также знаменующем ощущение стагнации. Здесь этот круг обозначен через платоновскую метафору башенных «сред» Вяч. Иванова: «Нет, не один я был на пире!» (3, 62), позже повторенную им в письме к Белому по поводу участия Кузмина в первом номере «Трудов и дней», задуманных как орган близкого круга: «...на наших пи-

³ Блок А. А. Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7. С. 402–403. Далее — Дневник.

⁴ Существенно, что Пушкинский Дом находился тогда в здании Академии наук; в дневниковой записи от 8 июля 1917 года Блок противопоставляет всякой вульгаризации и популяризации идей, демократических в том числе, — Академию (примечательно, что сделано это на латыни; Дневник. С. 276). В дальнейшем эти идеи Блок, как известно, развил и в своем неприятии акмеизма, и резкой критике «дендизма».

⁵ Помимо того, что это устойчивая языковая метафора, это еще и языковая игра с выражением «белая ночь»: «Как мы черный день встречали / Белой ночью огневой». В черновом варианте «белая ночь» появлялась в строке до «черного дня», так что каламбур был еще заметнее (5, 285). Напомним, что именно так Блок хотел назвать свой следующий сборник — намерение, подхваченное после его смерти П. Сухотиным (сборник «В черные дни», 1921).

рах не бывал...».⁶ Таким образом, свои мечтания о грядущем Блок ассоциировал и с кругом «башни» Иванова. За переключкой пароходов в стихотворении также стояла переключка людей, узнающих друг друга по одинаковому отношению к имени Пушкин, и эту мысль подхватил и развил В. Ходасевич в своей, параллельной к блоковской, речи «Колблемый треножник».⁷ Кого Блок теперь имеет в виду под «нами» в стихотворении «Пушкинскому Дому»?

Поэма «Двенадцать» — важное событие в истории отношений Блока с друзьями-символистами, многие из которых, как известно, от него отвернулись. Среди них был и В. Пяст, который перестал подавать Блоку руку, и «общие друзья» их помирили лишь весной 1921 года, поскольку, как Пяст признавался позже, «оказалось, что “платформы” наши вновь сблизились»⁸ — в политическом смысле, надо понимать. Между тем Пяст из-за самого своего внешнего вида, поведения и твердого нежелания принимать новый порядок вещей в быту и литературе казался выходцем из уходящего круга писателей. Например, Вс. Рождественский, с которым он жил в Доме искусств, вспоминал о нем как о «последнем из воинствующих символистов».⁹

В сложных, прошедших несколько стадий отношениях Блока и Пяста, описанных в классической статье З. Г. Минц во втором томе блоковского «Литературного наследства», «Поэма в тонах» занимала

⁶ Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919 / Публ., предисл. и коммент. А. В. Лаврова. М., 2001. С. 449 (письмо А. Белому от 16 апреля 1912 года).

⁷ Воспоминания Вс. Рождественского «Н. С. Гумилев (Из запасов памяти)» донесли до нас эпизод такой «переключки», когда одно из заседаний Союза поэтов Блок предложил закончить чтением присутствующими (Гумилевым в том числе) любимого стихотворения Пушкина (Воспоминания Всеволода Рождественского о Гумилеве / Публ. М. В. Рождественской // Николай Гумилев: Исследования и материалы. Библиография. СПб., 1994. С. 417–418). Впрочем, скрытый призыв сплотиться поняли не все. Например, М. Шагинян следующим образом объясняла в дневнике от 14 февраля 1921 года причину успеха Ходасевича: «Речь Ходасевича кончилась неожиданным для него триумфом: все ему неистово хлопали. <...> Она вся построена на личной нежности к Пушкину и исторической субъективации общественных настроений с точки зрения “нас” (группа немногих лично и интимно восприимчивых Пушкина); говорю “нас”, но это “мы” у Ходасевича — почти что “я”, эготическое обобщение с Пушкиным. Именно потому, что речь покоилась на несомненном внутреннем опыте, а может и потому, что была антиобщественна, — она зажгла консервативную питерскую аудиторию» (Шагинян М. Дневники. 1917–1931. Л., 1932. С. 34). Не исключено, однако, что эта запись была позже отредактирована.

⁸ См.: Пяст В. А. Воспоминания о Блоке. Пб., 1923. С. 74; Литературное наследство. М., 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 191. Правда, позже, по выходе дневников Блока, он удивлялся в письме к Б. Мосолову от 25 января 1928 года: «Оказывается, покойник записывал каждую встречу со мной и с Вами!» (РО ИРЛИ. Р. I. Оп. 17. № 221. Л. 2 об.; датируется по штемпелю).

⁹ Рождественский В. А. Страницы жизни. М.; Л., 1962. С. 200.

важное место. 18 ноября 1911 года Блок записал в дневнике о первом ее варианте, вышедшем в том же году отдельным изданием, которое автор почти полностью сжег: «Читал поэму Пяста, поражался ее подлинностью и значительностью» (Дневник. С. 93).¹⁰ Именно Блок устраивал публикацию второго варианта ее в сборнике «Сирин» (которая вначале не клеилась¹¹); в письме от 10 июля 1919 года Пяст просил у Блока сборник «Сирин» с «Поэмой в наонах», чтобы дать почитать своему лечащему врачу.¹² Впрочем, в обоих вариантах есть примечание Пяста к выражению «тайное безвластье», как он перевел сочетание «мистический анархизм»: «Четыре строфы, составляющие VI отдел главы 1-й, описывают мироощущение, сходное с “мистическим анархизмом”; вольный перевод этого термина автор дает словами “Тайное безвластье”».¹³ Поэт использовал это понятие не для указания на нашумевшее литературное направление — хотя литературной злости много в других частях произведения, — но в том смысле, какой ему придавал Вяч. Иванов, — как обозначение свободного, ничем не связанного и тем самым «анархического» мистического переживания:

«Безвластье тайное»! — Тебя я пережил, —
О, не рассудком, нет, — но в странном откровенье.¹⁴

Если допустить, что сквозь пушкинскую формулу «тайная свобода» просвечивает и пястовское «тайное безвластье», то за «мы» стоят не просто абстрактные символисты, но именно «мистические анархисты», мысли которых подготавливали «грядущие века», т.е. тот круг, который и был на «пире». Несмотря на возможную вздорность

¹⁰ Блока, возможно, привлекало само смешение автобиографии, мемуара и наблюдений над текущими литературными и жизненными событиями, присущее Пясту и в других сочинениях крупной формы. Кроме поэмы «Грозою дышащий июль», посвященной описанию настроений начала Первой мировой войны, и опубликованного Р.Д. Тименчиком фрагмента поэмы о Февральской революции (*Пяст В. А. Встречи. М., 1997. С. 13*; здесь же упоминание об «автобиографическом романе» «Круглый год»), можно указать на недавнюю публикацию: *Пяст В. А. Поэма о городах / Вступ. ст. Е. Голубовского, публ. А. Н. Полторацкой и А. Н. Катчук // Новая Юность. 2003. № 5 (62). С. 78–98*; см. также небрежно подготовленное издание, куда она вошла практически полностью: *Пяст В. Поэмы. Одесса, 2016. С. 198–378*.

¹¹ Из письма Блока к Пясту от 3 марта 1913 года: «...поэму читали, много говорили о ней, отдельные части нравились, а в целом — “Сирин” не хочет ее брать» (Литературное наследство. Т. 92. Кн. 2. С. 217).

¹² Там же. С. 228.

¹³ Сирин. СПб., 1913. Сб. 2. С. 219; *Пяст В. А. Поэма в наонах. М., 1911. С. 7*.

¹⁴ Сирин. С. 218.

такого предположения, напомним, что за месяц до дневниковых записей начала февраля 1921 года о чтении Пушкина, составлении тома избранных его сочинений и звонке Е. П. Казанович с просьбой о стихотворении, в тот же день и написанном, в альбом Пушкинского Дома — есть и запись 14 января: «Пяст хочет со мной помириться...». Через четыре дня возникают мысли об окончании «Возмездия», связанного темой автобиографии и с «Поэмой в тонах», и с Пушкиным (Дневник. С. 396, 398).¹⁵ Добавим также, что мотив пламени («пламенные дали» окончательной редакции) в раннем варианте мог намекать на всю огненную символику «мистических анархистов», от «Факелов» до навязчиво повторявшегося символа «пламенеющего сердца», «*cor ardens*» Вяч. Иванова:

Но восторг, каким пылали
Наши юные сердца,
Мы не эти дни венчали
Наше пламя — без конца...

(5, 289)¹⁶

Отметим, что, переводя «мистический анархизм» как «тайное безвластье», Пяст поступал совершенно в стиле анархистской литературы, в которой постоянно перелагалось на разные лады слово «анархия». Самым распространенным, кажется, было «безвластие» (например, именно так именовался орган харьковских анархистов, 1918), но встречались и другие. В воззвании юрьевских анархистов-коммунистов «анархия» предстает в более адекватном переводе: «Да здравствует Безначалие!»,¹⁷ в 1906 году существовала радикальная группа анархистов-«безначальников», названная так по заглавию их журнала.

Если принять предложенные коннотации, станет особенно заметным, что свобода художника толкуется Блоком расширительно: она включает в себя и свободу от цензуры, и внутреннюю, мистическую

¹⁵ О связи «Возмездия» с пушкинской темой см.: *Лоцинская Н. В.* Александр Блок и Пушкинский Дом // Пушкинский Дом. С. 13–14.

¹⁶ В статье Блока «Интеллигенция и революция» появляется название статьи Иванова «Предчувствия и предвестия», но, скорее, как крылатая фраза, символ ожиданий в эпоху первой русской революции. Не забудем также переключку с первой главой «Возмездия»: «Что ж, человек? — За ревом стали, / В огне, в пороховом дыму, / Какие огненные дали / Открылись взору твоему?» (5, 25; учтено в работе: *Блюмбаум А. Б.* *Musica mundana* и русская общественность: Цикл статей о творчестве Александра Блока. М., 2017. С. 101).

¹⁷ Анархист. 1907. № 1. С. 34.

свободу. За творческую свободу художника ратовал и Иванов в речи на диспуте о будущем поэзии 27 апреля 1920 года: «Мне становится жутко за молодых поэтов, которые сразу же, с первых шагов своей деятельности находят нужным принести какую-то присягу, связать себя каким-то знаменем, каким-то лозунгом, каким-то правилом и лишить себя самого ценного блага для художника — свободы, той свободы, которая желает прежде всего вольного дыхания, того разнообразия вдохновения, которое может толкать художника сегодня на одно, а завтра на другое, которое делает его в некотором смысле Дон Жуаном различнейших форм и устремлений послушного ему, если он талантлив, искусства».¹⁸

В 1921 году Блок чувствует разлад с властью. Однако ситуация революций 1917 года предлагала уникальную возможность для искусства совпасть с Историей, как это проницательно отметил Ю. Балтрушайтис: «И снова — а может быть лишь впервые — час Жизни внутренне совпал с часом Искусства».¹⁹ Этого совпадения ждали в первую очередь символисты и футуристы, первые — давно находившиеся в поисках «большого стиля», и вторые — поклонники современности, актуальности и сиюминутности. Октябрьские события поставили всех бывших «мистических анархистов» — Иванова, Чулкова, Эрберга, Блока — перед необходимостью оценить собственную роль в случившемся.²⁰ В 1919 году Вяч. Иванов искренне признался: «Будущий историк определительно покажет, что все новейшее русское творчество обусловлено предчувствием революции». К роли модернистов в идейной подготовке революции он подыскал аналог: «В 70<-> годах восемнадцатого века немецкому обывателю и в голову не приходило, что мятежное брожение молодых умов, про-

¹⁸ Иванов В. И. Будущее поэзии: (К истории русского космизма) / Публ. и послесл. Н. П. Крохиной // Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература: Исследования и материалы. Иваново, 1998. С. 240–241.

¹⁹ Балтрушайтис Ю. К. Жертвенное искусство // Мысль и слово: Философский ежегодник / Изд. под ред. Г. Шпета. М., 1918–1921. Вып. II. Ч. 1. С. 221.

²⁰ В данной работе мы не касаемся творческих и жизненных контактов с анархизмом послереволюционных писателей. Эта тема ставилась в некоторых специальных работах, см., например: *Maloney Ph.* Anarchism and Bolshevism in the Works of Boris Pilnyak // *Russian Review*. 1973. Vol. 32. № 1. P. 43–53; *Вьюгин В.* Платонов и анархизм: к постановке проблемы // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 1995. Вып. 2. С. 101–113. Упомянем также насыщенные доклады Д. И. Рублева «Анархизм и литературная богема России (1900-е — 1918 гг.)» и Я. В. Леонтьева «Анархизм и литературная богема России после 1917 г.», а также стенограмму их обсуждения (Прямухинские чтения 2010. М., 2012. С. 101–135). Кроме того, мы исключили из рассмотрения творчество писателей, примкнувших к анархизму после революции, скорее всего, из-за его популярности (например, А. Струве).

слывшее под кличкой “бурных стремлений” или иначе “бури и нати-ска” (*Sturm und Drang*), было неложным предвестием надвигающейся действительной бури, перевернувшей старую Европу». ²¹ В рецензии на сборник Эрберга «Плен» писатель упоминал то же самое: «Одним из господствующих мотивов в круге русского символического искусства за десять-пятнадцать лет до революции было “дерзновение”, во всей гамме этого понятия, от чисто и узко индивидуалистического самоутверждения и демонизма, через общественно-анархическое прославление мятежа, до мировой скорби, неприятия мира, “непримиримого Нет” и скрябинского вселенского пожара. Разумеется, указание на историческую обусловленность этого умонастроения отнюдь не умаляет абсолютной, вневременной ценности выразивших его произведений: “Вертер” Гете сохраняет свое значение первоклассного создания германской словесности вне связи с эпохой “бурных стремлений”, его породившей». ²²

Выпуск Эрбергом своего долго готовившегося сборника может быть поставлен в контекст актуальных в новой исторической обстановке «мистико-анархических» настроений, позднее оставленных. ²³ О. Мочалова передавала в своих воспоминаниях: «Рассказывал Г. И. Чулков, что возвращался ночью с литературного вечера (1926–1927) вместе с Маяковским, и тот сказал: “Я начинаю приходить к признанию вашего мистического анархизма”. Чулков ответил:

²¹ Иванов В. И. Зеркало Искусства // Вестник театра. 1919. № 4. С. 2. Отметим, что в первые годы по возвращении в Россию Иванов проецировал свою деятельность на след, оставленный в немецкой культурной жизни дружбой Гете и Шиллера (см. подробнее: Кузнецова О. А., Герасимов Ю. К., Обатнин Г. В. Вячеслав Иванов // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов). М., 2002. С. 236).

²² Жизнь искусства. 1920. № 529. 13 авг. С. 1. Позиция Иванова очевидна также из стихотворения 1919 года «Да, сей пожар мы поджигали...», где последняя строка, поднимающая тему воли («А воля действенная: “Действуй!”»), может быть прочитана и как обращение к себе. Кажется, до сих пор осталось неотмеченным, что послание Чулкова «Поэту», на две строки из которого Иванов ответил своим стихотворением, обращено не к Иванову, но к Брюсову и по сути оправдывает поведение последнего после революции. Начальные строки текста Чулкова «Могу ли осудить, поэт, / Тебя за мглу противоречий!» содержат аллюзию на первую строку знаменитого стихотворения «Я» (1899) из сборника «Tertia vigilia»: «Мой дух не изнемог во мгле противоречий...» (Брюсов В. Я. Собр. соч.: В 7 т. М., 1973. Т. 1. С. 142), в то время как две последние явно намекают на «мистический анархизм» с его «неприятием мира»: «Ведь миру мы сказали Нет — / Мы, буйства темного предтечи...» (Чулков Г. И. Стихотворения. М., 1922. С. 39). Сочувственный отклик у Иванова вызвало именно повышенное чувство ответственности за собственное поведение.

²³ Теперь в литературных журналах опять появились обзоры свежей анархистской литературы, см., например: Святловский В., проф. Литература об анархизме // Вестник литературы. 1920. № 20 (24); 1921. № 2 (26).

“А я уже давно от него отошел”²⁴. Обстоятельства этого возврата не раз выяснялись, в том числе и нами,²⁵ вспомним хрестоматийно известные выступления Блока и Иванова против гуманизма²⁶ или статьи Иванова в журнале «Вестник театра», популярно развивавшие его же собственные положения эпохи 1906–1907 годов. Наконец, бывшие мистико-анархисты поучаствовали не только в левоэсеровской, как Блок, но и в анархистской прессе. Например, весной 1918 года в газете «Анархия», из номера в номер приглашавшей к сотрудничеству, была опубликована теоретическая статья К. Эрберга «Календарь революционного искусства», где автор популярно излагал свою неизменную доктрину, до деталей совпадавшую с его же собственными положениями периода «мистического анархизма» («Все человечество становится творцом» и т. д.²⁷). Упомянем в этой связи и знаменательное посредничество В. И. Рынτζюна (А. Ветлугина), в 1918 году — сотрудника газеты популярного теоретика анархизма А. Борового и Я. И. Кирилловского (Д. Новомирского) «Жизнь»²⁸

²⁴ Мочалова О. Литературные встречи (1956); РГАЛИ. Ф. 273. Оп. 2. № 6. Л. 45. Не ставя себе целью описать все перипетии отношений Чулкова с анархистской мыслью, отметим все же, что одной из переломных точек стало намерение большевиков летом 1917 года далее «развивать» революцию. В написанной в августе того же года брошюре писатель разводил безумные идеи искреннего Бакунина и спровоцированный определенными политическими силами развал, «уже лишенный духа революции, но почему-то наименованный “продолжением, развитием и углублением революции”» (Чулков Г. И. Михаил Бакунин и бунтари 1917 года. М., 1917. С. 18). В осознании «анархистского» беспорядка как основной опасности для России Чулков в то время был не одинок. Для сравнения приведем слова такого эстета и западника, как кн. Евг. Трубецкой (тоже лето 1917 года): «Ясно только, что с этой минуты захват <власти. — Г. О.> становится не только бесполезным, но и вредным для свободы. Раз народу принадлежит вся полнота власти, захват может совершаться только за счет народа, путем узурпации власти» (Трубецкой Е. Анархия и контрреволюция. М., 1917. С. 5).

²⁵ Обатнин Г. В. Штрихи к портрету Вяч. Иванова эпохи революций 1917 года // Русская литература. 1997. № 2. С. 224–230.

²⁶ На тему сходства позиций Иванова и Блока существует отдельная литература: Зубарев Л. Д. Блок и Вяч. Иванов: революция и судьба гуманистических ценностей // История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий: Материалы междунар. конф. (2–5 февр. 2000 г.). Петрозаводск, 2000. С. 249–255; Елишина Т. А. Крушение или кризис? (А. Блок и Вяч. Иванов о проблеме гуманизма в культуре серебряного века) // Актуальные проблемы мировой культуры XX столетия. Кострома, 1999. С. 44–51.

²⁷ Анархия. 1918. № 19. 16 марта. С. 4. Напомним, что в 1919 году Эрберг переиздал свою «Цель творчества», а также собрал книгу «Искусство старое и новое».

²⁸ О биографии Рынτζюна накопилась обширная литература. В первую очередь упомянем работы И. З. Белобровцевой: 1) Лицо не в фокусе (К проблеме одного прототипа) // Toronto Slavic Quarterly. URL: www.utoronto.ca/slavic/tsq/022002/belobrovceva.html, дата обращения: 31.03.2021; 2) «Вами забытый и Вас любящий А. Ветлугин»:

и недолго просуществовавшей газеты «Луч правды», где поздней осенью 1917 года печатали свои антибольшевистские статьи А. Толстой, С. Булгаков, М. Осоргин и Вяч. Иванов.²⁹

Особенно интересно в этой связи появление «мистического анархизма» внутри анархистского движения, небольшой группы основателя Всероссийской федерации анархо-коммунистов А. А. Карелина (псевд. Кочегаров, 1863–1926), позже входившей даже во ВЦИК.³⁰ Ее идеологию разводят с «мистическим анархизмом» Чулкова — Иванова, но отмечают некоторые общие моменты совпадений, как это делает один из ее участников в своих позднейших мемуарах.³¹

Письма А. Ветлугина Дон Аминадо // Работа и служба: Сб. памяти Рашита Янгирова / Сост. Я. Левченко. СПб., 2011. С. 221–222 (признание автора, что он был в «Жизни» «на ролях *enfant terrible*», см. на с. 213); 3) М. Булгаков и А. Ветлугин // Псевдонимы русского зарубежья: Материалы и исследования / Под ред. М. Шрубцы и О. Коростелева. М., 2016. С. 149–163; см. также: Устинов А. Биография как сюжет: «американская мечта» А. Ветлугина // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 2. С. 224–239. О том, что Рынзюн мог слушать лекции Борового, см. в: Бакунцев А. В. Студенческие годы А. Ветлугина (1914–1918) // Литературный факт. 2017. № 5. С. 118–120. Сотрудничество в газете «Жизнь» Андрея Белого, Сологуба и А. Лосева освещалось в работах А. В. Лаврова, М. М. Павловой и Е. А. Тахо-Годи, итоговый анализ впечатляющего состава авторов и литературной политики газеты см.: Богомолов Н. А. Литературный отдел газеты «Жизнь»: Персоны, идеи, полемика // Литературный факт. 2020. № 2 (16). С. 390–412; эту и другие работы автора по теме см.: Богомолов Н. А. Разыскания в области русской литературы XX века. От fin de siècle до Вознесенского. М., 2021. Т. 1. С. 588–691. Об анархо-синдикалистских взглядах Кирилловского, автора «Манифеста анархистов-коммунистов» (1918), см.: Рублев Д. И. Развитие анархо-коммунистических идей П. А. Кропоткина в русской анархической мысли (1900–1930-е гг.) // Петр Алексеевич Кропоткин / Под ред. И. И. Блауберг. М., 2012. С. 200–201.

²⁹ Сохранилось письмо Рынзюна к Иванову от 18 ноября 1917 года с приглашением на редакционное собрание газеты по поводу того, что издатели — «Союз солдатского и крестьянского просвещения» — резко недовольны тоном и направленностью статей в их органе (НИОР РГБ. Ф. 109. Карт. 15. № 43; можно предположить, что недовольство вызвала именно критика в газете новых властей). В ветлугинском некрологе Блоку приводятся слова Иванова, сказанные во время беседы на Zubовском осенью 1917 года, в период сотрудничества в «Луче правды», см.: Белобровцева И. З. Об одном некрологе Александру Блоку // Литературный факт. 2017. № 5. С. 241–242. Добавим, что глава в монографии Е. Д. Толстой под названием «Толстой и Ветлугин» начинается с обзора сотрудничества последнего в «Луче правды» и «Жизни», см.: Толстая Е. «Деготь или мед»: Алексей Н. Толстой как неизвестный писатель (1917–1923). М., 2006. С. 503–506.

³⁰ Возможность вхождения анархистов во ВЦИК с информационными задачами Карелин обосновал в своем докладе на Первом Всероссийском съезде анархистов-коммунистов в декабре 1918 года и отстаивал в прениях по нему. В 1924-м Карелин опубликовал «Манифест анархистов-коммунистов», где, в частности, высказался против террора ГПУ и власти Коммунистической партии (см.: Анархисты: Документы и материалы. М., 1999. Т. 2: 1917–1935. С. 174, 183, 456–458).

³¹ Налимов В. В. Об истории мистического анархизма в России (По личному опыту и материалам Центрального архива) // Путь. 1993. № 3. С. 194.

Вернувшийся в 1917 году политический эмигрант Карелин свою деятельность начал как секретарь Всероссийской федерации анархистов-коммунистов, но в конце концов обратился к мистически ориентированной философии. Другой важный персонаж кружка — математик А. А. Солонович (1887–1937), теоретик и пропагандист анархизма, — был членом антропософского общества, от которого позже отошел.³² Участник группы В. Налимов размышлял: «Судя по отрывочным данным, мистический анархизм в 20-е годы (за короткий промежуток времени) получил весьма широкое распространение среди творческой интеллигенции — ученых, преподавателей вузов, художников, театральных работников из разных городов страны».³³ Для конспирации кружок называли Братством Параклета, Орденом Духа, Орденом Света, Орденом Тамплиеров, Налимов же интерпретирует мистический анархизм просто как продолжение традиции гностицизма в России. Среди театральных деятелей, связанных с течением, Налимов называет, среди прочих, В. Смышляева, да и весь 2-й МХАТ.³⁴

В целом анархо-мистики советского времени порой разделяли интересы и зачастую даже повторяли путь отдельных представителей модернизма. Г. В. Гориневский с удовлетворением вспоминал, как у него при обыске в 1930 году (год окончательного разгрома и конец занятий в Музее Кропоткина) сотрудники ГПУ не понимали, кто такие Леви, Шюрэ и Штейнер, книги которых на языках ори-

³² Гориневский Г. В. Воспоминания // Путь. 1993. № 3. С. 219. Вместе с Карелиным Солонович входил в секретариат Всероссийской федерации анархистов и анархистов-коммунистов по крайней мере в 1921 году, когда его подпись стоит под публикацией в ее органе «Вольная мысль» (см.: Анархисты: Документы и материалы. Т. 2. С. 430).

³³ Налимов В. В. Об истории мистического анархизма в России. С. 196–197.

³⁴ Там же. С. 207. Было бы интересно сопоставить мистико-анархистов 20-х годов и эмигрантское движение «утвержденцев» начала 30-х (Н. Бердяев, Мать Мария, Ф. Степун, Ю. Ширинский-Шихматов). В качестве оснований для такого сравнения, помимо идейного схождения — сочетания патриотического мессианизма и идеи революции, взятой в ее чистоте, без учета большевистской компрометации, — можно указать на работы М. Артемьева. Судя по публикации материала о советских самиздатских журналах 20-х годов, Артемьев, недавно, как сообщается в журнале, приехавший из России, явно имел контакты с религиозным подпольем в СССР (Артемьев М. Подпольные журналы в современной России // Утверждения. 1931. № 1. С. 71–73; описаны журналы «Земля и небо», «Васильки» и «Путь странника», передовица из которого перепечатана в этом же номере). Видимо, там он сталкивался и с кругом мистических анархистов, испытал их влияние: его статья «Этика и экономика» — развитие анархистских идей о кооперации — содержит ссылки на Кропоткина и снабжена эпиграфом из Солоновича (Утверждения. 1932. № 3. С. 129).

гинала стояли у него на полке.³⁵ Если принять версию участников группы и не связывать мистико-анархистов 20-х годов и одноименное символистское направление 1905–1908-го, то тем более любопытно независимое возникновение термина. Он соединяет название социально-утопического движения, имевшего, однако, свои конкретно-организационные формы, прессу и даже историю некоторой популярности (особенно в 1870-е годы), — и мистику, в распространенное представление о которой входили прежде всего персональные отношения с потусторонним. Анархистская мысль, видимо, необходимо тяготеет к глобальности; ее теоретик А. Боровой записал в дневнике в 1928 году: «Собрать все фрагменты для построения целостной системы анарх<ического> мироощущения — как внерелигиозной интуиции о Мире».³⁶ В такой трактовке именно «анархическое мироощущение» объединяло мистико-анархистов обоих толков.

Полагаем, что Г. Чулков, сочинивший в 1905 году словосочетание «мистический анархизм»,³⁷ осознанно использовал катахрезу, столкновение понятий различной семантической сочетаемости.³⁸

³⁵ Гориневский Г. В. Воспоминания. С. 226.

³⁶ Цит. по: Ударцев С. Ф. Рукопись А. А. Борового «Власть» // Анархия и власть. М., 1992. С. 142. В своем незаконченном трактате «Власть» Боровой, собственно, и пытается описать это «мироощущение». Оценке влияния идей А. Бергсона и Ф. Ницше на воззрения Борового посвящен ряд работ П. В. Рябова, рассматривающего их как явление «постклассического (посткропоткинского) анархизма».

³⁷ В 1906 году «мистический анархизм», несомненно, был свежей и скандальной литературной новостью. Настолько, что заслужил внимание постороннего модернистам журналиста Е. Семенова, чья статья в *Mercur de France*, написанная со слов Чулкова, как известно, наделала много шума среди русских модернистов и послужила поводом для серии исправлений и отречений от нее самих мистических анархистов, вплоть до Чулкова. Упоминание Семенова в дневнике С. Минцлова за 1909 год проливает свет на причину того, почему мистическим анархизмом заинтересовался именно французский журнал. Минцлов, рассказывая об обыске в его доме, указывает, что это случилось из-за сотрудничества с журналом «Мир», где журналист Семенов поместил статейку о провокаторе Гартинге-Ландейзене: «Автор статейки — Семенов, настоящее имя которого Соломон Коган, был арестован, но так как он французский подданный, то его через сутки выпустили. Дома у него все перевернули вверх дном» (*Минцлов С. П. Петербургский дневник // На чужой стороне.* (Берлин; Прага). 1925. Вып. X. С. 113). После дела директора Департамента полиции Лопухина, который помог В. Бурцеву разоблачить Азефа, русское правительство пристально интересовалось публикациями на тему провокации. Семенов-Коган эмигрировал во Францию в 1882 году и там был вхож во французские литературные круги (см.: Из переписки Э. Золя с русскими корреспондентами // *Литературное наследство.* М., 1937. Т. 31/32. С. 959).

³⁸ Не исключено, что интерес Вяч. Иванова к анархизму мог быть подогреет его возможными контактами с русскими и грузинскими анархистами в Женеве,

Интересно, что зарубежная анархистская поэзия также в первую очередь строилась на размывании формы и широком использовании языка улицы, что позволило Ч. Ломброзо отнести ее к творчеству врожденных преступников.³⁹ В критике «Весов» соединение понятий «мистицизма» и «анархизма» было опознано как совершенно логичное и даже неизбежное: «Анархическая система или есть *contradictio in adjecto*, или она — система религиозная. <...> Анархическая свобода всегда характеризует Церковь, когда она освобождена от государственных пут».⁴⁰ Вячеслав Иванов в качестве коррелята прибегал к более гладкому выражению «мистический энергетизм», предпочитая политическому естественнонаучный и философский привкус, ассоциировавшийся в первую очередь с бывшим на слуху «энергетизмом» В. Оствальда.⁴¹ Центральный символ новой литературной группы также был связан с метафорикой революционных текстов. «Факелы» — «знамена вольных», как пояснил Иванов в дифирамбе «Огненосцы»,⁴² — стало названием для сборников, в которые превратился предполагавшийся журнал, и для театра, для которого Блок написал «Балаганчик». Факел — распространенный символ революции и свободы (вспомним американскую статую Свободы) и, равным образом, революционного горения, активно использовавшийся и в анархистских текстах. Прочитируем наугад из журнала «Безвластие»: «Искание новой жизни, не опошленной прикосновением мещанской печати, — разрушение всех предрассудков общества, горение не синим, жутким пламенем растлевающего алкоголя, а вспыхи-

неподалеку от которой писатель жил до 1905 года. По воспоминаниям одного из политэмигрантов, относящихся к этому же времени, группа анархистов была самой «шумливой» и «задорной» среди русских революционеров (подробнее см.: *Иков В.* Интермедия. В Мекке русской революционной общественности, 1904–1906 гг. // Отечественные архивы. 1993. № 5. С. 79).

³⁹ *Ломброзо Ц.* Анархисты: Криминально-психологический и социологический очерк. Лейпциг; СПб., 1907.

⁴⁰ *Белый А.* На перевале. Место анархических теорий в перевале сознания и индивидуализм искусства // *Весы*. 1906. № 8. С. 52–53.

⁴¹ Ср.: «Он говорит мне: “мистический анархизм”, я говорю ему: “неприятие мира, сверх-индивидуализм, мистический энергетизм” — и мы понимаем друг друга <...>» (*Иванов В.И.* О «факельщиках» и других именах собирательных. По поводу статьи Аврелия («Весы», май 1906) // *Весы*. 1906. № 6. С. 54). Позже, в рецензии на книгу Чулкова «О мистическом анархизме», Брюсов остроумно иронизировал над этим «разговором» (*Весы*. 1906. № 8. С. 45).

⁴² *Иванов В.И.* Собр. соч.: В 6 т. Брюссель, 1971. Т. III. С. 241. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте сокращенно, с указанием номера тома римскими и страницы арабскими цифрами.

вание всесжигающим факелом ненависти ко всему, оставшемуся нам в наследие от предков, — вот цель анархиста и человека, рожденного не ползать».⁴³ В другой статье того же номера автор на этот раз случайно заговорил горьковской ритмической прозой: «Пусть твердо звучат ваши речи и факелы грозно горят».⁴⁴ Существовали и визуальные тексты, актуализировавшие метафору «факел — революция». Несомненно, что при написании статьи «Идея неприятия мира» Иванов читал анархистов и их критиков, книги Э. Бернштейна, Л. Кульчицкого и Э. Реклю находились в его библиотеке.⁴⁵ В самой статье он оправдывает даже похожую на карамазовскую иррелигиозную формулу Бакунина: «человек свободен; следовательно, Бога нет», видя в ней «священное безумие» личности.⁴⁶

Интересно, что когда власть совпадала с народом и искусством, например, в начале Первой мировой войны, фамилии анархистов вновь появлялись на страницах символистских статей. Так, в одной из ранних печатных реакций Иванова на войну он прямо ссылается на П. Кропоткина как на единомышленника — сначала в беседе с газетным журналистом, позже и в своем программном выступлении, статье «Вселенское дело».⁴⁷ Вызвавшая восторженное сочувствие Иванова позиция Кропоткина, убежденного, что «теперешняя война творит новую историю», что «единение внутри передовых наций <...> кладет начатки новой, более объединенной жизни всех слоев, из которых теперь слагаются нации»,⁴⁸ может быть интерпретирована и как позиция революционера, занятого одной мыслью — о переделке общества. Последнюю вообще можно понять только в самой

⁴³ Ко всем... // Безвластие: Журнал ассоциации анархистов (Харьков). 1918. № 1. Март. С. 1.

⁴⁴ Барцелиус Параго. Призыв анархиста // Безвластие. 1918. № 1. Март. С. 3.

⁴⁵ Обатнин Г. В. Материалы к описанию библиотеки Вяч. Иванова // *Eurogor orientalis*. 2002. Vol. XXI. № 2. Р. 14–16. В целом за годы революции было переведено большое количество теоретической литературы по анархизму, с предисловием А. Борового вышли классические книги Э. Реклю, Э. Малатесты, Ж. Грера, Д. Маккэя, см. один из обзоров: Яценко А. Анархисты // Критическое обозрение. 1907. Вып. 2. С. 29–38.

⁴⁶ Иванов В. И. Собр. соч. СПб., 2018. Кн. I: По звездам. Опыты философские, эстетические и критические: Статьи и афоризмы. С. 88.

⁴⁷ Письма Кропоткина, где ясно обрисована его позиция страстного, со всем арсеналом риторики, противника Германии и защитника военной доктрины России, появились уже в начале сентября 1914 года в «Русских ведомостях». Они были выпущены отдельным изданием (Кропоткин П. А. О войне / С послесл. Вл. Л. Бурцева. М., 1916) и не раз использовались в провоенных заявлениях (см., например, книгу: Бурцев В. Л. О войне: С приложением двух писем П. А. Кропоткина. Пг.; М., 1916).

⁴⁸ Кропоткин П. А. О войне. С. 13, 14, 21.

максималистской перспективе, войне в ней придается роль какого-то окончательного, решающего события почти космического масштаба, которое должно определить судьбы не только России, но и вселенной. Особенно это станет ясным, если принять во внимание, что название статьи Иванова совпадает с названием сборника «Вселенское дело», вышедшего в Одессе в 1914 году (был в библиотеке Иванова⁴⁹), но объявление о котором вместе с описанием основной концепции книги, позже занявшее в ней место вступительной статьи, вышло брошюрой уже в 1913-м. Среди авторов были не только Брюсов, кратко высказавшийся по вопросу о бессмертии, а также, по иронии судьбы, будущая студистка Иванова, поэтесса Ф. Коган, но и близкий Иванову В. Бородаевский с циклом из двух стихотворений «Памяти Н. Ф. Федорова». Центральным автором книги был И. Брихничев, а само название «вселенское дело» — парафразом «общего дела», плана Н. Федорова по тотальному воскрешению отцов, десятилетие смерти которого сборник и был призван отметить. В 1919 году Иванов среди идейных предшественников современного кризиса индивидуализма называл и «...Федорова, с его единою думою о “вселенском деле” воскрешения отцов» (III, 379).

Для того чтобы понять истоки этого социал-патриотического анархизма, обратим внимание еще на одну его особенность. Поэт и критик А. Беленсон описывал выступление Блока, явно внутренне связанное с речью «О назначении поэта», в стихотворении «На юбилее М. Кузмина» (в Доме искусств 29 сентября 1920 года⁵⁰):

А рядом профиль светлый Блока,
Задумчивый, голубоокий
В искусственном мерцаньи свеч.
С улыбкой беззащитной детской
Его взволнованная речь
О доле русской, не немецкой.
О том, что средь развалин храма,
Где прежде крест был, нынче — меч,
Должны поэта мы беречь
И сохранять разбитый мрамор.⁵¹

⁴⁹ См.: Обатнин Г. В. Материалы к описанию библиотеки Вяч. Иванова. № 1459.

⁵⁰ См.: Морев Г. А. К истории юбилея М. А. Кузмина 1925 года // Минувшее. М.; СПб., 1997. Вып. 21. С. 351.

⁵¹ Беленсон А. Э. Врата тесные: Вторая книга стихов. Пб., 1922. С. 27. Упомянутое Моревым мемуарное свидетельство о вечере Кузмина заканчивается похожим пересказом мыслей поэта: «Блок тогда произнес свои вещие слова о том, что

Тамплиерская символика креста и меча была опосредована чрезвычайно актуальным в то время для Блока соловьевским мифом о Востоке из стихотворения «Зигфриду» и в контексте немецкой темы всплывала в патриотической риторике В. Эрн и Вяч. Иванова в начале мировой войны. Но панславистское оформление социальных проектов у Иванова появлялось и ранее. Так, он писал Брюсову после манифеста 17 октября, обещающего России парламент и конституцию: «Пусть мир увидит (это мой исконный идеал) — государственное единство славянских народовправств».⁵² Это напоминает позицию М. Бакунина в знаменитой, послужившей причиной его высылки из Франции речи 29 января 1847 года в Париже на банкете в годовщину польского восстания: «Эта война была предпринята в интересе деспотизма и никоим образом не в интересе нации русской — ибо эти два интереса абсолютно противоположны». И далее: «Нами тоже управляет иностранная рука, монарх происхождения немецкого, который не поймет никогда ни нужд, ни характера народа русского и которого правительство <так!>, странная смесь монгольской грубости и прусского педантизма, совершенно исключает национальный элемент».⁵³ Политический идеал Бакунина, «славянская федерация», отрицал такое понятие, как подданство, принципы «неразрывного и братского союза всех народов, составляющих славянское племя» должны лежать «в славянском характере, который должен образовать основу новой жизни соединенных славянских народов».⁵⁴ Поэтому он не стеснялся составлять такие тексты, как «Воззвание к славянам русского патриота Михаила Бакунина» (1848).

жизнь причиняет боль поэту, что мы должны беречь его...» (*Третьяков В. Юбилей для немногих // Сегодня*. 1930. № 312. 11 нояб. С. 8). Память другого мемуариста донесла лишь, по сути, эмоциональное содержание речи Блока: «Сказано было что-то очень грустное и сердечное о том, что Блок боится за Кузмина, за его беспомощность, потерянную в этом беззвучном мире; точно выражений Блока я не помню, но в словах была тревога» (*Элькан А. «Дом искусств» // Мосты*. 1960. № 5. С. 292).

⁵² Литературное наследство. М., 1976. Т. 85. С. 487 (письмо от 24 октября 1905 года).

⁵³ *Бакунин М. А.* 1) Статья А. И. Герцена о Бакунине; 2) Биографический очерк М. Драгоманова; 3) Речи и воззвания. СПб., 1906. С. 116, 118. Имея в виду этот патриотический аспект анархизма, Г. Чулков видел в следующем один из важных пунктов расхождения бакунинской и большевистской программ: «Господа российские “коммунисты”, укравшие у Бакунина его программу, его разбойную тактику, подражающие его презрению к истории, забыли взять у него только одно: его понимание германизма, его живую и праведную ненависть к реакционнейшей из империй» (*Чулков Г. И. Михаил Бакунин и бунтари 1917 года*. С. 22).

⁵⁴ Там же. С. 125, 128.

Выяснению тех черт славянского характера, которые могли бы стать фундаментом такого союза, посвящена статья Иванова «Два лада русской души», написанная во время Первой мировой войны. Таким образом, в основе страстного желания обновления общественного строя лежит воспитанное веками деспотизма разных сортов убеждение, что русская нация, народ, не совпадает с русским государством, с властью.⁵⁵

Развитие отношений анархистов с большевиками повторяло путь Блока. Сначала они восторженно приняли Октябрьскую революцию, и Ленин в одном из воззваний даже парадоксально именовался «анархистом-государственником».⁵⁶ Позже заграничная группа анархистов с гордостью признавалась: «Именно анархические лозунги — методы прямого действия (т. е. action directe. — Г. О.), непосредственного захвата земель и средств производства — были подлинно революционными и всенародными лозунгами этой эпохи».⁵⁷ В этой связи с гордостью упоминался анархист матрос Анатолий Железняков, разогнавший Учредительное собрание. В дневниковых записях Блока весны — лета 1917 года, периода работы в Чрезвычайной комиссии Временного правительства, большевизм и анархизм не разведены, особенно после июльского восстания: 30 июля Блок, объясняя себе, почему он не может вступить в Лигу русской культуры, куда его пригласил П. Струве, записывает: «...тяготение мое к туманам большевизма и анархизма (стихия, “гибель”, ускорять “лики роз над черной глыбой”» (цитируется стихотворение В. Соловьева; Дневник. С. 291–292⁵⁸), но и ранее уже, когда М. Кокошкина зовет его на собрание, где будет В. Набоков, он отговаривается «своим “большевизмом”» (Дневник. С. 258). Е. В. Иванова полагает, что тогдашний блоковский «большевизм» «был не про-

⁵⁵ Ср. деконструкцию понимания права как «принудительно осуществляемой» нормы, у которой только один источник — государство, в книге: Яценко А. Международный федерализм: Идея юридической организации человечества в политических учениях до конца XVIII в. М., 1908. С. 118–119. Сам Яценко полагал, что источник права лежит в «особом коллективном сознании», национальном духе, «правовом убеждении человечества», а не государства, право с такой точки зрения не нуждается в «государственной защите» (Там же. С. 116, 117).

⁵⁶ <Бр. Гордины>. К освобождению! // Анархисты: Документы и материалы. Т. 2. С. 70 (перепеч. из органа анархистов «Буревестник» от 11 ноября 1917 года).

⁵⁷ Большевистская диктатура в свете анархизма. Десять лет советской власти: Коллективное исследование. Париж, 1928. С. 8. Впрочем, эта идея бродила по анархистской прессе уже в 1918 году, ср.: «Лисья политика Ленина ясна для нас: он хорошо учел роль анархиста в деле завоевания политической демократии» (Дриккер. Анархизм в опасности // Безвластие. 1918. № 1. Март. С. 7).

⁵⁸ Письмо с отказом см.: Блок А. А. Собр. соч. Т. 8. С. 509–510.

сто шире большевизма как исторического и политического явления, он вообще почти ни в чем не совпадал с ним», «большевизм теперь воплощал все то, что раньше он называл “стихий”». ⁵⁹ Тем не менее можно сказать, что позиция Блока после октябрьского переворота была последовательна: интеллигенция «может и обязана» работать с большевиками, поскольку они — ее порождение. ⁶⁰

Почти сразу анархисты начали разочаровываться в своих союзниках, и к весне 1918 года это стало постоянным мотивом их публицистики: «Из львов революции — большевики превратились в сторожевых собак частной собственности, как выразился один из товарищей», — с горечью констатировалось в одной передовице. ⁶¹ В другой статье замечалось: «Большевизм отцветает. <...> Вожди изменили. Они тоже испугались революции и дрогнули». ⁶² Братья Гордины учили: «Революция стихийна. Она “не делается”, а рождается. Революция есть естественное произвольное явление общественной жизни.

Революция бессознательна <...>

Революция есть социальное творчество». ⁶³

Отзвук этих мнений находим в «Сентиментальном путешествии» эсера В. Шкловского: «Народ можно организовать. Большевики верили, что материал не важен; важно оформление, они хотели проиграть сегодняшний день, проиграть биографии и выиграть ставку истории.

Они хотели все организовать, чтобы солнце вставало по расписанию и погода делалась в канцелярии.

⁵⁹ *Иванова Е. В.* Александр Блок: Последние годы жизни. СПб.; М., 2012. С. 88, 89. О внутреннем противостоянии Блока «кадетству», ассоциирующемуся с «укреплением государственности», в это время, см.: Там же. С. 86–87.

⁶⁰ Эта идея не была сугубо блоковской, ср., например, точку зрения С. Булгакова в 1919 году: «Кто же эти агенты большевизма, его проводники в народные массы? Не обинуясь, докладчик отчетливо, как и десять лет назад в “Вехах”, отвечает на этот вопрос: интеллигенция!» (С. Н. Булгаков о духовных корнях большевизма. Заметка корреспондента газеты «Таврический голос» Б. Ивинского «Духовные основы большевизма: Содержание доклада о. Сергия Булгакова» / Вступ. ст., коммент. и подг. текста С. Б. Филимонова // Отечественные архивы. 2002. № 4. С. 87). Разными были выводы из нее — для Булгакова это было покаяние интеллигенции.

⁶¹ *Скворцов Н.* Революция и большевики // Анархия. 1918. № 10. 3 марта. С. 1.

⁶² *Ковалевич К.* Немного о «политике» // Анархия. 1918. № 21. 19 марта. С. 1.

⁶³ <Бр. Гордины>. Революция как творчество // Анархия. 1918. № 19. 16 марта. С. 1. Если в 1918 году Гордины призывали на борьбу с Колчаком, то в 1920-м организовали группу анархистов-универсалистов, активно поддерживавших Кронштадтское восстание в марте 1921 года.

Анархизм жизни, ее подсознательность, то, что дерево лучше знает, как ему расти, — не понятны им».⁶⁴

В «Докторе Живаго» Б. Пастернака выведен анархист-партизан Вдовиченко по прозвищу Черное знамя, чья фамилия может намекать на украинских анархистов в целом, сражавшихся как за советскую власть, так и против нее. Черты его портрета могли бы соотноситься одновременно с чертами и П. Кропоткина, и Л. Толстого, которых рисовал отец поэта: «...толстяк и великан с крупной головой, крупным ртом и львиною гривой, из офицеров чуть ли не последней русско-турецкой войны и, во всяком случае, — русско-японской, вечно поглощенный своими бреднями мечтатель».⁶⁵ Контекст его появления в романе важен: он участвует в неудачном собрании — встрече партизан с инструкторами из «центра», из регулярных красных частей. Краткая речь Вдовиченки развивает толстовскую идею непротивления истории: «Гражданские институты должны расти снизу, на демократических основаниях, как посаженные в землю и принявшиеся древесные отводки. Их нельзя вбивать сверху, как столбы частокола. В этом была ошибка яacobинской диктатуры, отчего конвент и был раздавлен термидорианцами».⁶⁶ «Бредни» анархиста, однако, далее оказываются важными и для главного героя романа. Свои схожие мысли об истории Юрий Живаго оформляет в тот же образ «побегов травы»: «...ему она рисуется наподобие жизни растительного царства. <...> Лес не передвигается, мы не можем его накрыть, подстеречь за перемену места. Мы всегда застаем его в неподвижности. И в такой же неподвижности застигаем мы вечно растущую, вечно меняющуюся, неуследимую в своих превращениях жизнь общества, историю.

Толстой не довел своей мысли до конца, когда отрицал роль начинателей за Наполеоном, правителями, полководцами. Он думал именно то же самое, но не договорил этого со всею ясностью».⁶⁷ Этот круг идей можно спроецировать на двойственное отношение анархистов к советам как форме общественной организации: они при-

⁶⁴ Шкловский В. Б. «Еще ничего не кончилось...» / Предисл. А. Галушкина; коммент. А. Галушкина, В. Нехотина. М., 2002. С. 189.

⁶⁵ Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. с приложениями: В 11 т. М., 2004. Т. IV. С. 316. Впрочем, современный исследователь возводит Вдовиченку к фигуре Степняка-Кравчинского и, возможно, к самому Бакунину, фигура же Кропоткина связана с Вдовиченко, по его мнению, через персонажа Свириду (Смирнов И. П. Роман тайн «Доктор Живаго». М., 1996. С. 129–132).

⁶⁶ Пастернак Б. Л. Полн. собр. соч. Т. IV. С. 319.

⁶⁷ Там же. С. 451–452.

нимались в качестве «стихийно», органично возникших в октябре 1905 года, но отрицались в их официальном, «советском» качестве.⁶⁸

Позднее анархисты четко сформулировали пункты расхождений с советской властью: осуждение «похабного» Брестского мира, который приводил к провозглашенной Лениным концепции «временного» существования социалистического государства в окружении капиталистических; восприятие Октябрьской революции как «непосредственно предваряющей новую революцию с подлинно анархическим содержанием». Постепенно они пришли к выводу, что по признаку наличия острого социального антагонизма «строй советской диктатуры есть система капитализма».⁶⁹ Несмотря на то что большевики начали борьбу с бывшими союзниками-социалистами с эсеров, уже с весны 1918 года следует ряд провокаций в Доме «Анархия», немотивированных расстрелов и, наконец, совершенное под выдуманым предлогом (создание черной гвардии из подонков общества) нападение 12 апреля на московский Дом «Анархия», особняк, занятый анархистами методом «прямого действия». Об этом нападении К. Малевич писал М. Гершензону: «...огромнейший сапог стал крепко на личность, сделал ее ступенью своих шагов»,⁷⁰ а художница Н. Удальцова возмущенно записала в дневнике: «Сегодня — гнуснейшая страница истории. Избиение анархистов. На них

⁶⁸ См, например: *Лапоть Гр. <Максимов Г. П.> Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и наше к ним отношение, 1919* (нам был доступен лишь перевод этой изданной в Нью-Йорке брошюры: *The Anarchists in the Russian Revolution / Ed. by P. Avrich. London, 1973. P. 104–105, подробнее о ней см. в работе: Герасимов Н. И. Г. П. Максимов и история русской анархистской эмиграции // Ежегодник Дома русского зарубежья 2016. М., 2016. С. 95*). Ср.: «...что означает Советы вместо Учредилки? <...> В те времена тоже были Советы, как Вам известно: Государственный Совет, Совет Министров (да и Государственная Дума тоже была “Советом”). <...> По форме те Советы, как и современные, были государственными аппаратами. <...> Что общего имеют современные Советы — эти государственные органы, с одной стороны, и филиальные отделения Р. К. П., с другой стороны — с очагами революции?» (*Б. С<тоянов>. Открытое письмо И. Гроссману-Роцину (Ответ советским «анархистам»)*). [Пг., 1920]. С. 5).

⁶⁹ Большевицкая диктатура в свете анархизма. С. 13, 26. Анархист Вс. Эйхенбаум, «товарищ Волин», после заключения мира уехал из Петрограда и вступил в отряд партизан. В цитированной полемической брошюре, написанной в январе 1920 года и подписанной Б. С., экономическая система «совдепии» называется «государственным капитализмом».

⁷⁰ Письма К. С. Малевича к М. О. Гершензону (1918–1924) // *Малевич К. С. Собр. соч.: В 5 т. М., 2000. Т. 3: Супрематизм. Мир как беспредметность, или Вечный покой. С. 327. В официальной советской науке это позже называлось «обысками», в процессе которых была найдена масса экспроприированных вещей и оружия (Залежский В. Анархисты в России. М., 1930. С. 36).*

напали врасплох и расстреливали спящих из броневигов, пулеметов, пушек. Первые жертвы демократов. Мир вашему праху, первые мученики свободы. В память 12 апреля я напишу картину «Анархия»». ⁷¹ Начало настоящего разгрома анархистов — весна — лето 1921 года, когда были произведены аресты члена «Свободной ассоциации анархистов» Льва Черного (П. Турчанинова, расстрелян), анархо-коммуниста А. Карелина и анархо-синдикалиста Г. Максимова. 1 марта 1921 года был издан циркуляр ВЧК, где анархистов согласны были терпеть, только если «...вся деятельность их ограничится чтением таких авторов, как Кропоткин и др. <...>». В июле 1922 года в новом циркуляре ОГПУ идеология анархизма была объявлена идеологией люмпен-пролетариата. ⁷² Тогда же обозначилась и «правая» ориентация новой власти в искусстве, проявившаяся в «травле футуристов», которая вызвала ряд возмущенных откликов деятелей левого искусства, даже отошедших или не принадлежавших к футуризму, — их регулярно печатала газета «Анархия». Общую идею выступлений выразил художник И. Клюн: «...футуризм есть реализм; он отражает в себе современную жизнь». ⁷³ Это было ощущением «современно-

⁷¹ Удальцова Н. Жизнь русской кубистики: Дневники, статьи, воспоминания. М., 1994. С. 45. Видимо, было организовано несколько погромов, очевидцем одного из них был основатель петербургского Института истории искусств граф В. Зубов (Зубов В. П. Страдные годы России. München, 1968. С. 77–78). О дальнейших репрессивных шагах советской власти см. подробнее работу: Рублев Д. И. Анархисты в Советской России: 1922–1953 гг. Стратегии борьбы и выживания в условиях диктатуры // Анархизм: Pro et contra. СПб., 2015. С. 903–918.

⁷² См.: Павлов Д. Б. Репрессии в отношении членов социалистических партий и анархистских организаций в первое пятилетие «пролетарской диктатуры» // Большевики и меньшевизм: Сб. статей. М., 1998. С. 94–95; а также: Павлов Д. Б. Большевицкая диктатура против социалистов и анархистов. 1917 — середина 1950-х годов. М., 1999. С. 66–70. Наименование А. Ремизовым своего Обезвельволпала «свободно выраженной анархией» появляется только единственный раз в публикации «Конституции» этого общества в составе его сборника «Ахру» (Берлин; Пб.; М., 1922), но ни в первой публикации в берлинских «Бюллетенях Дома искусств» (1922), ни во «Взвихренной Руси» (1927) его нет. Можно предположить, что таким образом писатель выказал свое отношение к репрессиям против анархистов.

⁷³ Клюн И. Ату его (О травле футуристов) // Анархия. 1918. № 39. 9 апр. С. 4. Об установившихся в 1920-е годы связях между анархистами, самовольно занимавшими под «коммуны» брошенные московские особняки, уголовным миром и миром искусства см. в мемуарах: Спасский С. Маяковский и его спутники: Воспоминания. М., 1940. С. 109. Идеальные контакты и сближения между анархизмом и авангардом послужили темой ряда работ. Например, О. Буренина даже полагает, что «Черный квадрат» «был для Малевича и воплощением образа черного знамени — главной эмблемы анархистов», а также что художник находился «под большим влиянием» мистического анархизма Чулкова-Иванова (Буренина О. Философия анархизма в русском художественном авангарде и «замкнутые конструкции» Даниила Хармса //

сти», если ее понимать как историцистскую категорию, и объединяло писателей разных толков. Например, хотя В. Иванов и рекомендовал своей студийке Ф. Коган идти слушать чтение Блоком «Возмездия» в 1920 году, он, издавший в 1918-м написанную онегинской строфой поэму «Младенчество», не преминул отметить, что пушкинская форма не подходит современности (V, 386, 401–402). В конце того же года поведение Маяковского (стихотворные перегибы «Радоваться рано» и «Той стороне») вызвали к жизни не только культурное охранительство Луначарского, но и сочувственное, пусть и незаконченное, письмо Блока к Маяковскому с трогательным началом «не меньше, чем вы, ненавижу Зимний дворец и музеи».⁷⁴ Остаться анархистом после весны — лета 1918 года уже не означало быть в союзе с правительством, которое все больше узурпировало власть. В беседах с М. Альтманом в 1921 году Иванов замечал почти по-партийному: «А большевикам и впрямь пора уйти, пусть они вспомнят, что они только одна фракция».⁷⁵

Анархическое мировоззрение несовместимо с парламентской республикой. И постепенное осуждение новой власти не означало поворота к либеральным ценностям. А. Боровой писал в конце

Хармс-авангард: Материалы междунар. науч. конф. «Даниил Хармс: авангард в действии и отмирании. К 100-летию со дня рождения поэта». Белград, 2006. С. 97–98). А. Н. Лаврентьев пишет, что Алексей Ган «сотрудничал и с группами анархистов. Сблизившись с художниками, начал вести в том же 1918 году в газете «Анархия» раздел «Искусство», позднее переименованный в «Творчество». Отдел «Творчество» стал печатным органом самых радикальных художников той поры» (Лаврентьев А. Н. Алексей Ган. М., 2010. С. 11; см. далее до с. 15). Наконец, месту, которое «эстетика анархии» занимала в искусстве и идеологии авангарда, посвящена монография Н. Гурьяновой, по мнению которой Иванов в силу своей популярности сделал анархизм важной частью модернистского дискурса и тем самым «played a certain role in the transformation of anarchist aesthetics into the aesthetic of anarchy in Russia» (Gurianova N. The Aesthetics of Anarchy: Art and Ideology in the Early Russian Avant-garde. Berkeley; Los Angeles; Boston, 2012. P. 58). Работе деятелей левого искусства в газете «Анархия», носившей антибольшевистский характер (газету запрещали в апреле 1918 года), посвящена отдельная глава ее книги под названием «Искусство, творчество и «Анархия»». По подсчетам исследователя, основными авторами газеты были Родченко и Малевич, который поддерживал газету также финансово, а также А. Моргунов (член группы Ларионова), Ключ, О. Розанова и Н. Удальцова (Ibidem. P. 217, 220, 223–231).

⁷⁴ Блок А. А. Дневник / Подг. текста, вступ. ст. и примеч. А. Л. Гришунина. М., 1989. С. 287. Отметим, что в июле 1918 года репрессиям подверглась и наиболее близкая Блоку в первое полугодие партия левых эсеров (о его сотрудничестве с Р. Ивановым-Разумником см.: Иванова Е. В. Александр Блок: Последние годы жизни. С. 91–114, а также главу «Блок и левые эсеры» в кн.: Иванова Е. В. Январская трилогия Александра Блока: «Интеллигенция и революция», «Двенадцать», «Скифы». М., 2020. С. 59–69).

⁷⁵ Альтман М. С. Разговоры с Вячеславом Ивановым. СПб., 1995. С. 63.

20-х годов, что свобода личности несводима к «лживым формам “либеральной” свободы», которая на самом деле «была откровенным, циничным отрицанием прав личности как таковой».⁷⁶ В годы революции в лексиконе экстремистов появляется слово «редиска», обозначавшее либерала, красного только снаружи, но белого внутри.⁷⁷ Боровой не отступает от «анархического мировоззрения», не принимая ни режима новой деспотии, ни форм деспотии старой, будь она либеральная или правительственная. Говоря об этом блоковским языком, он не изменяет «грядущему», особенно когда оно стало настоящим. В таком ракурсе позиция Блока могла бы быть понята как некий неклассический анархизм, которым были наполнены 20-е годы (анархизм-гуманизм, анархизм-биокосмизм, анархизм-универсализм и т. п.). И в целом русский анархизм отличался от своих западноевропейских собратьев еще бóльшим антиэтатизмом (и, кажется, более был сосредоточен на экспроприациях, чем на терроре).⁷⁸ Значительная часть русских анархистов не разделяла идеи анархо-синдикализма, который главным образом развивался во Франции, видя в нем уступку государственности (группа П. Кропоткина «Хлеб и воля» была, скорее, заграничной, хотя и выпускала одноименную газету). Даже один из теоретиков анархо-синдикализма решительно писал: «... государство не только не есть учреждение, имеющее общественные цели и общественное назначение, а что, наоборот, оно есть самое грубое нарушение принципов общественности, самое дикое, жестокое порождение противообщественности».⁷⁹ Поэтому анархисты были против демократической организации русского государства, Учредительного собрания в особенности, поддер-

⁷⁶ Боровой А. Власть // Анархия и власть. М., 1992. С. 159.

⁷⁷ См.: Лосский Б. Н. Наша семья в эпоху лихолетья 1914–1922 годов // Минувшее. М.; СПб., 1992. Вып. 12. С. 34.

⁷⁸ В своем классическом труде по практическому осуществлению революции «Хлеб и воля» Кропоткин экспроприации уделял важное место: «...довольство для всех — наша цель; экспроприация — наше средство» (Кропоткин П. А. Хлеб и Воля (La Conquête du Pain) / С портретом автора и предисл. Э. Реклю. Лондон, 1902. С. 21, см. также главу «Экспроприация»). На весьма показательном сопоставлении цитат уже Н. Минский продемонстрировал, что русский анархизм, в первую очередь в лице Кропоткина и Бакунина, является «живым отрицанием индивидуализма» (Минский Н. Идея русской революции // Перевал. 1906. № 2. С. 48).

⁷⁹ Оргенани К. <Гогелиа Г. И.> Государство и право (Отрывок) // Анархист. 1907. № 1. С. 2. Ср. мнение о большем радикализме русской версии анархистской мысли в работе: Смирнов И. О радикализме в русской политфилософии XIX — начала XX вв. // Telling Forms. 30 essays in honour of Peter Alberg Jensen / Ed. by K. Grell and S. Witt. Stockholm, 2004. P. 382–385 (Acta Universitatis Stockholmiensis. Stockholm Studies in Russian Literature. Vol. 37).

жав большевиков. В одной из передовиц анархистской прессы писалось: «Анархия и демократия, это два противоположных полюса, два антипода. <...> Демократия, как понятие политическое, общественное, означает народовластие, т. е. самодержавие народа».⁸⁰

Летом 1917 года видные фигуры в анархистской мысли А. Л. и В. Л. Гордины показательно разоблачали основной тезис демократического общества, равенство всех перед законом: «Поясним примером. Разве можно сказать, что при разыгрывании все равны перед выигрышем? Конечно, нет. Мы не равны перед выигрышем, благо мы все, наверное, проиграем, лишь один из нас всех, удачник, выиграет, а все прочие наверняка проиграют. <...> достоверно известно, что выигрыш выпадает только на одного из всех, и при таких условиях мудрено говорить о равенстве перед выигрышем, и мы имеем гораздо большее право говорить про равенство перед проигрышем. <...> То же самое с нашим представительным так называемым демократическим порядком правления». Отсюда логически следует вопрос, «почему депутатами может являться только ограниченное число лиц?»⁸¹ Разоблачению недостатков любого избирательного закона, неспособного в полноте обеспечить представительство всего общества, почему всякий парламент в конечном счете отражает наиболее развитый класс, при капитализме — буржуазию, уделял внимание в 1907 году и А. Боровой.⁸² Это — общее место анархистской публицистики, которое можно встретить и у Бакунина, и у Кропоткина, лежит в основе анархистской критики социалистов за их согласие участвовать в парламенте.

В этом пункте мы наблюдаем еще одно важное схождение между анархистской и модернистской мыслью, уже не просто увлеченной модным радикализмом, как это отчасти было в эпоху первой русской революции.⁸³ Общеизвестно отношение модернистов

⁸⁰ Дрикер. Анархизм в опасности. С. 6–7.

⁸¹ Бр. Гордины. Речи анархиста. [М.], 1919. С. 44–45 (название обыгрывает «Речи бунтовщика» П. Кропоткина).

⁸² Боровой А. Реформа и революция // Перевал. 1907. № 8/9. С. 63–66. Другой важной мотивировкой критики парламентаризма для Борового служила реальная практика политической жизни, политика «мелких хитрецов» — подкуп депутатов, циничность политиков, широкое лоббирование коммерческих интересов разных социальных групп и компаний и т. д. (на этом он подробно останавливался в тех частях «Реформы и революции», которые появились в номерах 11 и 12, и решительно осуждал в брошюре «Революционное мирозерцание»).

⁸³ Для иллюстрации воспользуемся цитатой из мемуаров С. Дубновой-Эрлих, речь идет о ее докладе о современной критике на закрытом заседании Кружка молодых, секретарем которого она была: «Мне хотелось показать при помощи фактов,

к парламентской республике и, говоря словами Блока, «конституции куцой», удовлетворяющей обывателя, но недостаточной для широкой жизни поэта: «А вот у поэта — всемирный запой, / И мало ему конституций!»⁸⁴ Даже такой антибольшевистски настроенный писатель, как М. Осоргин, заключал по поводу Учредительного собрания: «Выбирать в него надо и созвать его необходимо. Но только спасение России, конечно, не в нем».⁸⁵ В классической статье Блока «Интеллигенция и революция» (1918) находим сетования на скуку идеала либерализма, парламентской законотворческой деятельности («такой тупой, такой страшный сон»)⁸⁶ Поэтому в речи «О назначении поэта» имя Пушкина названо «веселым», антонимом чему в таком контексте служит «скучный» — вспомним весь блоковский мотив «скуки», начав по меньшей мере со «скуки загородных дач» из «Незнакомки».⁸⁷ Боровой, настаивая на противоположности революционного и реформаторского мирозерцаний (например, в печатавшейся в «Перевале» большой работе «Реформа и революция»), также ассоциировал последнее с неподвижностью. Как и, например, Иванов, отчетливо выразивший свое неприятие «систематической деятельности политического и социального характера», которая для мистико-анархиста является

которые казались неоспоримыми, как противоестественно сочетание политического радикализма с культурным консерватизмом; но не щадила я и догматиков “чистого искусства”» (*Дубнова-Эрлих С. С. Хлеб и маца: Воспоминания. Стихи разных лет.* СПб., 1994. С. 130). Идее схождения, если не отождествления, литературного и политического радикализмов симпатизировали такие авторитеты, как Малларме, Ренье, Верхарн, Веле-Гриффен, Швоб и др. (см.: *Eizengweig U. Poétique de l'attentat: anarchisme et littérature fin-de-siècle // Revue d'histoire littéraire de la France.* 1999. № 3. Mai-Juin. P. 439-441; а также другие материалы этого спецвыпуска под названием «Anarchisme et création littéraire»). Именно в этом контексте следует рассматривать и экспериментальную книгу братьев Гординых «Анархия духа (Благовест безумия) в XII песнях» (М., 1919), написанную ритмизованной и рифмованной прозой.

⁸⁴ Блок А. А. Седое утро. Пб., 1920. С. 11 (стих. «Поэты», 1908).

⁸⁵ Осоргин М. А. Единый путь // Луч правды. 1917. № 1. Ноябрь. С. 1. Важно, что статья написана до разгона Учредительного собрания.

⁸⁶ Блок А. А. Собр. соч. Т. 6. С. 14. О традиции отождествления в блоковской мысли либерального, интеллигентского, кадетского начал и их отторжении как проявлений «цивилизации» (в противопоставлении «культуре») см. подробнее в работе: Бломбаум А. Б. *Musica mundana* и русская общественность. С. 44-54.

⁸⁷ Веселость входила в образ Пушкина, ср. в прочитанном на том же вечере, что и речь «О назначении поэта», стихотворении М. Кузмина «Пушкин»: «Он — жрец, и он веселый малый» (*Кузмин М. А. Нездешние вечера.* Пг., 1921. С. 51). Как и в случае с Блоком, у Кузмина веселость Пушкина встраивалась в собственную картину мира (из того же сборника: «Храня так весело, так вольно / Закон святого ремесла...» из стихотворения «Сапунову» (с. 56); «Унылый дух от'иди! / Ты, праздность, улетай!» из вариаций на молитву Ефрема Сирина (с. 30)).

«непоследовательностью»,⁸⁸ Боровой строго высказывался против любых систематических занятий политикой, всецело находясь на стороне тех, «кто, написав на своем знамени борьбу и возмездие, и в жизни борется и мстит, кто отвергает реформу и возглашает революцию».⁸⁹ «Революционное миросозерцание» Борового означало постоянное движение, «только вперед», и на основании этого он даже принимал и упрек в непоследовательности, противоречии собственным взглядам: «Я принимаю этот упрек, но я не боюсь его. Жить, значит — искать; искания должны кончиться только смертью. <...> В этом вечном беспокойстве духа, в этом неутомимом искании — лучшая сторона человеческой природы!»⁹⁰ Одна из любимых цитат Иванова из «Фауста», стремление «zum höchsten Dasein», «к бытию высочайшему» (I, 823), объединяет его не только с Боровым, но и с Горьким, как это почти и организационно произошло с «мистическими анархистами». Андрей Белый, разделявший с Блоком чувство отвращения от скуки, защищая социал-демократов в 1907 году, преувеличенно радикализировал их деятельность: «Лед и пламень одинаково далеки от серединной теплоты пасторской маниловщины и кадетских государственных реформ»,⁹¹ на несовместимость этого взгляда с программой социал-демократов и на внутреннюю анархичность его ему было справедливо указано Н. Русовым.⁹² Минский, критикуя «теократический анархизм» Бердяева, вменял ему в вину в первую очередь недостойный тон: «...Бердяев, который в последнее время, обретя ярко индивидуальную внешнюю форму речи, впал вместе с тем в какой-то теплый — не горячий и не холодный — тон самодовольного квиэтизма и в статье о социализме обмолвился безвкусными, достойными протестантского пастора фразами <...>».⁹³

В «Интеллигенции и революции» Блока звучит также раздражение против самого института представительства, депутатства:

⁸⁸ *Обатнин Г. В.* Неопубликованные материалы Вяч. Иванова по поводу полемики о «мистическом анархизме» // Лица. М.; СПб., 1993. Вып. 3. С. 471. Ср. в его статье «Идея неприятия мира»: «Так мистический анархизм не предпрещает и путей делания общественного, полагая, однако, как цель, последнюю свободу и общественных отношений» (*Иванов В. И.* Собр. соч. Кн. I. С. 90).

⁸⁹ *Боровой А.* Реформа и революция // Перевал. 1907. № 7. С. 7.

⁹⁰ *Боровой А.* Революционное миросозерцание. М., 1907. С. 7.

⁹¹ *Белый А.* Социал-демократия и религия // Перевал. 1907. № 5. С. 25.

⁹² *Русов Н. Н.* Андрей Белый и социал-демократия: Открытое письмо // Перевал. 1907. № 10. С. 39–40. В 1918 году Русов переиздал эту статью в качестве приложения к своей книге «Критики анархизма».

⁹³ *Минский Н.* Социализм и анархизм // Перевал. 1907. № 8/9. С. 23.

«Потому, что (я по-дурацки) самому все хочется “проконтролировать”, сам все хочу, не желаю, чтоб меня “представляли” (в этом — великая жизненная сила: сила Фомы Неверного) <...>». ⁹⁴ Желание все контролировать самостоятельно, а не делегировать это право своему представителю, подавать голос непосредственно, сразу, на сходе или вече, осуществимо лишь в маленьком сообществе или общине, идеальном анархистском устройстве общества. В записях блоковского дневника, параллельных «Интеллигенции и революции», это обозначено четко: «Надо, чтобы маленькое было село, свой сход, своя церковь (одна, малая, белая), свое кладбище — маленькое» (Дневник. С. 315). В редакционной статье двухнедельника А. Карелина «Труд и воля» от 4 декабря 1917 года появляется не только «община», но и другое важное, например для Вяч. Иванова и Г. Чулкова в 1917-м, слово — «народоправство»: «По основным своим убеждениям мы, анархисты-коммунисты, вольные общинники. <...> Мы устроимся вольными народоправствами, где власть принадлежит в равной мере всем, где нет принудительной власти». ⁹⁵ В своем знаменитом письме к Ленину от 4 марта 1920 года Кропоткин выступал против централизации власти: «Если бы даже диктатура партии была бы подходящим средством, чтобы нанести удар капиталистическому строю (в чем сильно сомневаюсь!), то для создания нового социалистического строя она безусловно вредна. Нужно, необходимо местное строительство, местными силами, а его нет». При личной встрече он развивал перед Лениным цинично осмеянные последним после этого разговора идеи местной кооперации. ⁹⁶

⁹⁴ Блок А. А. Собр. соч. Т. 6. С. 14. Ср. в записи в дневнике от 7 января 1918 года: «Фома (неверный) — “контролирует”» (Дневник. С. 316).

⁹⁵ Анархисты. Наши задачи // Анархисты. Документы и материалы. Т. 2. С. 84, 85. Навязчивое повторение слова «вольные» заставляет задуматься над масонскими истоками идеологии карелинской группы, в реальности которых убежден, например, А. Никитин. Вл. Бонч-Бруевич вспоминал, как Кропоткин советовал ему привлечь к развитию революции масонов и сообщал, что именно масоны были важной политической силой в Февральском перевороте (Бонч-Бруевич В. Д. Мои воспоминания о Петре Алексеевиче Кропоткине // Звезда. 1930. № 4. С. 182–183).

⁹⁶ Бонч-Бруевич В. Д. Мои воспоминания о Петре Алексеевиче Кропоткине // Звезда. 1930. № 6. С. 187. Для марксистского взгляда социал-демократов анархистская община неосуществима по экономическим причинам: раз общины будущего будут обмениваться продуктами своего труда, будет и эксплуатация, а значит, и перепроизводство. Важно, что эти положения популяризировались в народе (см., например: М. К. Анархизм и социал-демократия. М., 1906. С. 4 и далее). Кроме того, среди социал-демократической контрпропаганды против анархизма раздавались трезвые голоса, указывавшие на невозможность полного «единогласия членов» анархистской общины, без чего безвластие немислимо: «Они хотят перестроить здание жизни,

Вяч. Иванову таким сообществом виделась не только славянская, мистическая, но и «гражданская община»⁹⁷, полис, ему импонировала политика, не выходявшая за его пределы. В письме к Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от 13 (26) февраля 1902 года он рассуждал: «Решительно, Ницше противоречит себе во всем; этого противоречия не было бы, если бы он, вместо своих афоризмов и евангелия Заратустры, написал бы диалоги, по образцу Платоновых. “Übermensch” — романтизм. Теория тиранической олигархии так “средиземна” (“Mediterranisierung der Kultur” <sic!>), как только можно. Это мечта, подслушанная у древних, не знавших страны и нации в новом смысле этих слов, а знавших только свой город, πόλις, и его республиканскую демократию, аристократию, тиранию. Альфа и Омега в истолковании Ницше, это — определение, данное Соловьевым: “Ницше — филолог”. Если прибавить: “и музыкант”, кажется, это исчерпывает его стихию.⁹⁸ Притом он был гениален: привилегия гения — старое и чужое явить новым и через то сделать своим».⁹⁹ Иванов имеет в виду, что понятие о праве сильного («das Herren-Moral») у греков имеет локальный характер, оно не претендует на всемирное распространение

опираясь на предположение, что будущее общество будет состоять из личностей, безусловно согласных между собою, бескорыстных, самостоятельных, предприимчивых и искусных в организации людей. Но откуда же в будущем обществе возьмутся такие совершенные личности?» (Анархизм и хулиганство / Пер. с польск. Иды С... ой. СПб., 1906. С. 20, 21).

⁹⁷ О «голосе» и «голосовании» у Иванова см. в нашей книге: *Обатнин Г. В. Иванов-мистик: Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова*. М., 2000. С. 11. Позднее, в статье о поэме Байрона «Остров» Иванов исторически разводил идею анархии и полиса: «Анархическая идея — идея именно варварская, т. е. не эллинская и, следовательно, внекультурная по духу, как варварский и гениальный индивидуализм новой Европы, не до конца понятный тем народностям, в лоне которых родилась идея гражданственности и гражданской общины (πόλις) <...>» (*Иванов В. И. Собр. соч.* Кн. I. С. 97).

⁹⁸ Ср. схожее определение в «Эллинской религии страдающего бога»: «“Ницше был филолог”, замечает Вл. Соловьев, определяя этим целую половину его личности и деятельности. Если мы прибавим: Ницше был музыкант — то едва ли не исчерпаем этим другую половину» (Новый путь. 1904. № 2. С. 63). Несколько переиначенную цитату из статьи Соловьева «Словесность или истина?» (1897) Иванов повторил и в статье «Ницше и Дионис», см. коммент.: *Иванов В. И. Собр. соч.* Кн. II. С. 76.

⁹⁹ *Иванов Вяч., Зиновьева-Аннибал Л. Переписка. 1894–1903*. М., 2009. Т. 2. С. 304–305. Не беремся ответить на вопрос об истоках возникновения этой темы у И. Анненского (Афинский национализм и зарождение идеи мирового гражданства // *Гермес*. 1907. № 1, 2), лишь предположим, что интерес к истории афинского государства мог быть подогрет опубликованием в 1891 году «Афинской Политии» Аристотеля, что вызвало появление целого ряда западных («Аристотель и Афины» У. Виламовица-Меллендорфа, 1893) и русских исследований (среди последних — студенческая работа М. Гершензона, 1895, книги М. Покровского, В. Бузескула и др.).

и абсолютную ценность, как это действительно представлено у Ницше. Пример вольного, независимого города как разновидности общины, проявление коммунистических начал в общественной жизни привлекали внимание и Кропоткина, который ссылаясь при этом, как и положено русскому революционеру еще со времен декабристов, на политическую жизнь Великого Новгорода до его падения.¹⁰⁰

Имя Ницше фигурирует здесь неслучайно, письма Иванова периода этой разлуки с женой полны советов и размышлений над трудным подростковым поведением его пасынка К. Шварсалона. Размышления эти вращаются вокруг понятия «воли», взятого в ницшевском смысле: «Я вижу в нем *болезнь воли*, психологическую *слабость ее*. Ему “больно повиноваться”, т. е. “больно” переломить себя. Он и дерзок, п<отому> ч<то> ему больно. Воля не в порядке и у Сережи, и у Веры».¹⁰¹ Слабоволие обязательно влечет за собой возмездие: «Обижать ему суждено, но не побеждать; напротив, быть побежденным и терпеть возмездие: побеждает воля, а не вождение. Он ничего — постоянно, целесообразно, сознательно — не волит, и всего вожделеет».¹⁰² Отвечая на жалобы жены, Иванов пользуется не только положениями Гераклита и Фалеса, но и ницшевским дискурсом «здоровья»: «Можно видеть, что “все течет”, но можно видеть и что все стоит и “нет движения”. Человек здоровый командует временем, и оно послушно идет, бежит или стоит. Тут все дело в sensation: в твоей — нездоровая пассивность, угнетенность воли».¹⁰³ В свете идеи, что возмездие — удел слабовольного и побеждаемого, более ясно, почему Иванов никогда, ни при первом чтении в 1911 году — «бogoотступничество»! — ни при последнем в мае 1920-го, не принял основной мысли «Возмездия» Блока, поэмы, первый замысел которой относится к 1910 году, действительно задуманной под настроением резиныяции, упадка.

Ницшевская критика «любви к ближнему» в «Так говорил Заратустра» и в «По ту сторону добра и зла», под которой скрывается «этика жестокости» и несправедливости, и предложение взамен этики «любви к дальнему» чрезвычайно вдохновляли мысль А. Борового в 1906 году: «Вот — философия революционного духа. Здесь революционный метод находит свои этические основания», суть которых: «Душа революционера, преисполненная любви “к дальнему”, — должна быть безбоязненна!» Позиция Борового откры-

¹⁰⁰ Кропоткин П. А. «Хлеб и Воля» (La Conquête du Pain). С. 29, 33.

¹⁰¹ Иванов Вяч., Зиновьева-Аннибал Л. Переписка. С. 232 (письмо от 27 января (9 февраля) 1902 года).

¹⁰² Там же. С. 238 (письмо от 30 января (12 февраля) 1902 года).

¹⁰³ Там же. С. 162 (письмо от 9 (22) января 1902 года).

то антитолстовская: «...всякое непротivление злу — есть внутренняя фальшь, рабство, гибель человеческой свободы и личности».¹⁰⁴ Общеизвестны симпатии Блока к ницшеанскому «человеку-артисту» в 1919 году («Крушение гуманизма»¹⁰⁵), и органичным в этой связи выглядит его обращение в пореволюционные дни к другому критику идеи непротivления злу насилием, Соловьеву, — для него мистический радикализм философа еще в 1906 году связался с политическим радикализмом Бакунина («Как это ни странно, — образ его чем-то напоминает образ Владимира Соловьева», статья «Михаил Александрович Бакунин», 1906; 7, 42).

Вслед за Ницше Боровой обрушился на понятие «исторической необходимости», «этого сфинкса, никем и никогда еще не разгаданного».¹⁰⁶ Язвительно он замечает: «...сокровищница найденных и вновь изобретаемых политических законов не иссякала, и между тем, когда и где, какой народ, какая страна строили свою жизнь по законам, отысканным мудрецами?», «...при современной познавательной природе нашей “социальной” или “исторической” науки, мы не знаем и не можем знать “исторических законов”, мы не предвидим и не можем предвидеть будущего». Самоутверждающаяся личность «может пренебрегать традициями, игнорировать “законы” прошлого», она «сама кует для себя свои законы», используя знаменитый анархистский метод «прямого воздействия», примером которого для Борового служило Московское декабрьское восстание.¹⁰⁷ В поле зрения наиболее рефлексивного по отношению

¹⁰⁴ Боровой А. Революционное мирозерцание. С. 25, 28. Ассоциация политических импликаций ницшеанства и анархизма сопутствовала уже ранней критике ницшеанства в России: «В области политической первый взгляд, подчиняющий всю нравственную жизнь требованиям общественного блага и видящий в отдельной личности лишь средство, орудие для целей общего целого (общества ли, человечества ли, или всего мира), составляет почву социализма; второй же, видящий, наоборот, в обществе, человечестве и природе лишь служебное орудие, подмостки для безграничного и всестороннего развития самодовлеющей особи — лежит в основе анархизма (безысходное bellum omnium contra omnes, где право определяется мощью)» (Астафьев П. Е. Генезис нравственного идеала декадента // Вопросы философии и психологии. 1893. Кн. 1 (16). С. 58 (2-я пар.)).

¹⁰⁵ Актуальной темой всякой революционной эпохи являются отношения гуманизма и «беспринципности» (анархии); см. статью Э. Левинаса, написанную как прямой отклик на майские волнения 1968 года: *Levinas E. Humanism and Anarchy // Levinas E. Humanism of the Other. Urbana; Chicago, 2003. P. 45–57.*

¹⁰⁶ Боровой А. Революционное мирозерцание. С. 31. Андрей Белый в рецензии на книгу П. Эльцбахера «Анархизм» также сочувственно отмечал, что анархисты не признают концепции материалистического истолкования истории.

¹⁰⁷ Там же. С. 32, 44, 45, 65. Пафос Борового напоминает одновременно страстность К. Поппера в его книге «Нищета историцизма» (1957) и скепсис В. Беньямина

к проблемам историзма Вяч. Иванова, историка по профессии, материалистический историцизм, разумеется, занимал важное место. Кратко подводя итоги XIX столетия, он писал в 1907 году: «...то, что мы зовем общим образованием, окрасилось оттенком исторической перспективности (которую так возлюбил XIX век под именем “исторического смысла”, *historischer Sinn*)».¹⁰⁸ Однако сам Иванов отнюдь не разделял рациональную «историческую перспективность», предпочитая смотреть на историю как на разворачивающийся процесс посвящения в тайну, т. е. приближения к познанию судьбы.

Противоречие между личностью и коллективом волновало и либеральную мысль: А. Боровой, отвечая на него, ссылаясь на статью П. Струве и С. Франка «Культура и личность» (1905). Ответ его на этот вопрос был честен: «Таковы вечные отношения между личной и коллективной психикой, но бывают моменты общественного экстаза, когда отдельные души загораются одним и тем же огнем, когда жизнь не успевает внести своих урезок в их гармонические стремления, когда личность, даже повинувшись своему внутреннему “я”, служит, однако, общему делу. Это моменты напряженной, страстной борьбы, революции, бунта, протеста».¹⁰⁹ В свете сказанного логичным выглядит стремление анархистской мысли создать новое этическое учение. Для Борового основанием для него послужила этика подвига, развитая Ницше в образе Заратустры;¹¹⁰ по возвращении в Россию и вплоть до своей смерти Кропоткин продолжал трудиться над своей «Этикой», так и не доведенной им до конца; уже посмертно, к первой годовщине его смерти, был издан его труд «Происхождение и развитие нравственности».

В дневниковых записях Блока весны 1918 года несколько раз упоминается конкретный объект антибуржуазной ненависти поэта. В записи от 5 января: «Это ватерклозет, грязный снег, старуха в автомобиле, Мережковский в Таврическом саду, собака подняла ногу

в «Тезисах к философии истории» (1940). Разница между ними и Боровым лишь в том, что практика двух войн XX века давала еще больше доказательств непредсказуемости человеческой истории. Впрочем, само по себе это представление имеет свою собственную историю, и «Несвоевременные размышления» Ницше здесь являются важной вехой. В этой связи современный философ напоминает об историософском скептицизме Н. Михайловского (*Пятигорский А. М. Избр. труды. М., 1996. С. 153*). Сам Боровой для обоснования своей точки зрения привлекал «Исторические письма» П. Лаврова и даже идеалистическую критику марксизма С. Булгаковым.

¹⁰⁸ Статья «О веселом ремесле и умном веселии»; *Иванов В. И. Собр. соч. Кн. I. С. 160.*

¹⁰⁹ *Боровой А. Революционное мирозерцание. С. 14.*

¹¹⁰ Там же. С. 24–29.

на тумбу, m-Ше Врангель тренькает на рояле (блядь¹¹¹ буржуазная), и все кончено», чуть ниже повторяется с такой же грубостью: «В голосе этой барышни за стеной — какая тупость, какая скука: домового ли хоронят, ведьму ль замуж выдают. Когда она наконец ожеребится? Ходит же туда какой-то корнет.

Ожеребится эта — другая падаль поселится за переборкой, и так же будет выть, в ожидании уланского жеребца» (Дневник. С. 315–316). Через некоторое время он не выдерживает еще раз: «Барышня за стеной поет. Сволочь подпевает ей (мой родственник). Это — слабая тень, последний отголосок ликования буржуазии» (запись от 21 февраля; Дневник. С. 326). Примечательно, что этот сосед, дальний родственник Блока по отцу, Р. Шульман, впервые появляется в дневнике в записи от 15 августа 1917 года, когда он приносит избирательные списки в центральную городскую думу (Дневник. С. 301). Наконец, 26 февраля почти моление: «Я живу в квартире, а за тонкой перегородкой находится другая квартира, где живет буржуа с семейством (называть его по имени, занятия и пр. — лишнее). Он обстрижен ежиком, расторопен, пробыв всю жизнь важным чиновником, под глазами — мешки, под брюшком тоже, от него пахнет чистым мужским бельем, его дочь <Ирина. — Г. О.> играет на рояли, его голос — тэноришка — раздается за стеной, на лестнице, во дворе у отхожего места, где он распоряжается, и пр. Везде он.

Господи, боже! Дай мне силу освободиться от ненависти к нему, которая мешает мне жить в квартире, душит злобой, перебивает мысли. Он такое же плотоядное двуногое, как я. Он лично мне еще не делал зла. Но я задыхаюсь от ненависти, которая доходит до какого-то патологического истерического омерзения, мешает жить.

Отойди от меня, сатана, отойди от меня, буржуа, только так, чтобы не соприкасаться, не видеть, не слышать; лучше я или еще хуже его, не знаю, но гнусно мне, рвотно мне, отойди, сатана» (Дневник. С. 327–328).

Особенно важен здесь мотив «треньканья» на рояле и пения тенором,¹¹² профанации Музыки, которая для Блока, как известно,

¹¹¹ В первой публикации, призванной напомнить о позиции Блока в первые послеоктябрьские месяцы, это слово было стыдливо скрыто под многоточием (Блок А. А. Из дневника 1918 г. // Звезда. 1924. № 2. С. 90).

¹¹² Сравнение Блока с тенором, общеизвестное по ахматовской строке «трагический тенор эпохи», использовалось не раз. Например, А. Беленсон в отчете о лекции Чуковского о Блоке называет его «король поэтических теноров», используя это выражение как всем известное, в кавычках (Беленсон А. Э. Искусственная жизнь. Пб., 1921. С. 81; отмечено в тезисах: Тименчик Р. Д. «Анаграммы» у Ахматовой // Материалы

совпадала с Революцией. Ивановское «устремление из уединения к соборности», как им была обозначена программа «мистического анархизма»,¹¹³ также базировалось на похожих добрососедских переживаниях. В письме к Л. Д. Зиновьевой-Аннибал от 10 февраля (28 января) 1902 года он, подобно тому как Ницше описывал современность через понятие упадочничества, объяснял их процессом вырождения: «Ничего характерного. Разве опять наблюдения за Итальянкой, прогуливавшейся по обычаю перед закатом со своей собачонкой и своим маленьким невольником по нижней террасе, и смутное психопатическое ощущение, мною подчас испытываемое при этом зрелище (обыкновенно, впрочем, она прогуливается сам-друг с собачонкой)... видишь ли? Психопаты — все мы. И ты также, когда хочешь с убийственной целью приманить Луизу полюбоваться на красивых и радостных девушек. У меня еще острее жажда крови, совсем что-то вроде раскольниковщины. Живет Итальянка так противно, противно уединенно в домишке с запертыми ставнями, который она сторожит от злодеев. У нее собачонка и пэди,¹¹⁴ часто сбегающий. Ее насекомообразное существование все тут перед глазами в этой запертой со всех сторон скорлупке. Изредка она бойко играет и звонко часто — и резать ее соблазнительно! Вот уединение доводит до каких психических состояний. Во всех нас элементы вырождения и атавизма...». В следующем предложении Иванов как бы «переводит» понятие «атавизм» на другой, для него более важный язык: «Орфики верили в первородный грех: люди родились из пепла Титанов, сожженных молнией Зевса за растерзанье Диониса. Они молились и совершали искупительные жертвы за грехи τροχόνων ἀθεμίτων (“беззаконных предков”). Мы теперь так умны стали, что не верим в “проклятие старинных преступлений”. Судьба и Грех для нас старинные пугала. Придется закончить письмо на этой мрачной теме».¹¹⁵ Интересны своим совпадением и реакция на профанацию музыки, и ирония над боязнью буржуа за свое имущество, которая у Блока превращается почти в анархистскую ненависть к собственности: «...веди себя теперь как бестия: дружи, пресмыкайся, береги свое добро!»¹¹⁶ В «Переписке из двух углов» постоянное соседство

XXVII Научной студенческой конференции. Литературоведение. Лингвистика. Тарту, 1972. С. 78).

¹¹³ Иванов В. И. О «факельщиках» и других именах собирательных. С. 55.

¹¹⁴ Мальчик, слуга, бой (греч.).

¹¹⁵ Иванов Вяч., Зиновьева-Аннибал Л. Переписка. С. 233.

¹¹⁶ Блок А. А. Собр. соч. Т. 6. С. 11. Нельзя выпускать из виду также и антибуржуазность французских декадентов, вдохновленных в 1892–1894 годах в первую

анархизма и буржуазности под пером Иванова выльется в глубокую мысль о том, что «анархические течения» в обществе «по существу кажутся коррелятом и тенью буржуазного строя» (III, 405).¹¹⁷

И в целом жестокость была в центре литературной моды в период первой русской революции. Редактор «Передела» С. Соколов в своем творчестве тех лет был не чужд некоторого кровавого романтизма. Упомянем, например, его стихотворение «Напутствие» — напутствие террористу, обреченному самому умереть.¹¹⁸ Из прозы первого ряда здесь выделяется «Пруд» А. Ремизова, из поэтических достижений — идейный цикл Вяч. Иванова «Carmen saeculare». Даже Бальмонт, с испугом указавший в статье «О жестокости» (1907) на сладострастное описание убийства старого мужа в русском фольклоре, в своих «Песнях мстителя» (Париж, 1907) обливал «Николая Последнего» потоком ругани, обещая, что он закончит свои дни «встав на эшафот». У Иванова в «Carmen saeculare» одной из тем является нищенское отрицание жалости: «Мы жадной Жалости разрушили заклатье, / Навек Любовь расторгли с ней» (II, 287). Дальнейшее развитие тема жестокости в искусстве получила в работах М. Волошина 1910-х годов в связи с вандализмом, учиненным над картиной Репина, и с началом Первой мировой войны.¹¹⁹

очередь серией анархистских терактов (Равашоля, Вальяна, Анри, Козерио), когда были совершены покушения на президента Карно, австрийскую императрицу Елизавету и итальянского короля Гумберта. Писатель и анархист Виктор Серж (В. Л. Кибальчич), друживший не только с Горьким, но и с Б. Лифшицем, вступил в начале 1900-х годов в молодежную анархистскую организацию Бельгии, привлеченный не в последнюю очередь призывом к борьбе с комфортом, благодушием и стабильностью европейского буржуазного общества (Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. Оренбург, 2001. С. 21).

¹¹⁷ Взгляды М. Гершензона, политические коннотации которых не вполне отчетливо выражены в «Переписке из двух углов», предстанут более выпукло, если учесть свидетельство секретаря Пушкинского Дома Е. П. Казанович: «Под вечер была у Гершензона и с большим интересом провела у него час времени. <...> Обстановку своего кабинета Г. сохранил более чем скромной: нищенски бедной; должно быть, такой она и была у него, когда он был бедным-бедным еврейчиком, стремившимся пробиться в русское общество с помощью руссофильства... <так!> Теперь руссофильство отжило свое время; на сцену явился интернационализм и анархизм, адептом которого Гершензон мне себя заявил. Бывший сотрудник "Вех" примирился с "Красной Газетой" и жаждет европейской революции, которая поддержит устои советской России, с ее анархическим безвластием; современного деспотизма Г. уже не замечает...» (запись в дневнике от 4 сентября 1920 года; ОР РНБ. Ф. 326. № 20. Л. 40).

¹¹⁸ Кречетов С. Алая книга. М., 1907. С. 16.

¹¹⁹ См. его лекцию «Жестокость в жизни и ужасы в искусстве» и комментарий к ней: Неизданные лекции М. Волошина / Предисл., публ. и коммент. А. В. Лаврова // Волошин М. Из литературного наследия. СПб., 1999. Т. II. С. 9–12, 61–84.

Духом радикализма проникнуты и мистические, и философские предпочтения русского модернизма. Акцент на личном мистическом опыте, «религиозном творчестве», будь то христианский или теософский, ориентация на докантовскую философию, неприятие кантианства и неокантианства вкупе с кадетством — всё явления одного порядка. Близкий к Шестову Е. Лундберг писал К. Эрбергу в письме от 26 марта 1916 года: «Кстати: прочел Франка и Аскольдова. И рассердился на то, что они Вам могли чем-то вполне импонировать. Это — лицемеры, без дела. Им не нужна ни свобода, ни гордость, ни самозащита, ни проклятие — ничего, кроме улаживания своих логических беспорядков».¹²⁰ Даже абсолютно противоположный бунтарству по всему своему строю личности Н. Недоброво признавался тому же адресату после выхода в 1913 году первого издания трактата «Цель творчества», обстоятельной апологии бунтарства: «Я не могу сказать, прочитавши Вашу книгу, чтобы я был Вашим единомышленником. <...> Есть настоящие и фальшивые книги. Ваша — настоящая. Читая ее, все время чувствуешь в себе накопление душевных сил, а из-под букв то и дело как будто выблискивает. И, прочитав книгу, признаешь ее внутреннюю обоснованность. Словом, с имманентной критикой к ней не подойдешь: этим она очень выгодно отличается от большинства нынешних теоретических сочинений, в коих одни утверждения опровергаются другими и так далее».¹²¹

Интерес к анархизму как одной из форм радикализма возникает в русском литературном модернизме в его переломные периоды. В 1905 году Иванов констатирует: «Слово “анархия” приобретает магическую силу над умами».¹²² Спор между социализмом и анархизмом Н. Минский отнес в 1907-м к «умственному центру, вокруг которого вращаются все другие идеи и мнения».¹²³ Свою книгу переводов из Уитмена К. Чуковский назвал «Поэт-анархист» (1907), выпустив ее в издательстве «Кружка молодых», где вышел и «Соборный индивидуализм» М. Гофмана. Появившийся тогда на литературной сцене Н. Русов замечал: «...как психологический факт, анархизм завоевывает все большее значение» — и даже цитировал «чисто анархический

¹²⁰ РО ИРЛИ. Ф. 474. № 183. Л. 62 об.

¹²¹ Письмо от 28 мая 1913 года (РО ИРЛИ. Ф. 474. № 202. Л. 1–1 об.).

¹²² Иванов В. И. Собр. соч. Кн. I. С. 74.

¹²³ Минский Н. Социализм и анархизм // Перевал. 1907. № 7. С. 34. Массовая литература не замедлила отреагировать на моду: в 1907 году выходит фантастический роман Ив. Морского «Анархисты будущего (Москва через 20 лет)», действие которого, происходящее в 1927-м, начинается с представления новой драмы Л. Андреева «Конец мира» и закрытия очередной Думы.

стих» Пушкина: «Иная, высшая потребна мне свобода...».¹²⁴ «Мистический анархизм» также родился из переживания исчерпанности декадентства, существенным здесь было также ощущение стагнирования всего движения. «Мистические анархисты» упорно, и не только, как кажется, из стремления избежать конфликта с авторитарностью Брюсова — который все-таки произошел — пытались не употреблять в наименованиях своей деятельности слов «новая школа». «Я мало верю в художественные школы вообще», — декларировал Иванов;¹²⁵ в 1907 году молодой символистский критик из круга «Грифа» Н. Поярков¹²⁶ замечал: «Поэт просто поэт; он не знает ярлыков, для него чуждо быть мистическим реалистом, мистическим анархистом, он вне школ и партий»;¹²⁷ о новой жизни, лежащей «за холодными путями символизма», мечтал Осип Дымов.¹²⁸ Символисты остро отреагировали на вышедшую осенью 1907 года статью А. Горнфельда «Торжество победителей», которая предрекала рождение символизма как массового литературного явления.¹²⁹

Наиболее заметной модернистской антрепризой, где анархистская мысль нашла сочувствующих, был круг журнала «Перевал»,

¹²⁴ Русов Н. Н. Психологическое обоснование // Белый камень. М., 1907. Альманах 1. С. 88, 89. В этой заметке упоминается «Христианское братство борьбы» В. Эрна и В. Свенцицкого. Не имея возможности осветить в полноте значение для него анархических идей, не можем удержаться от нескольких цитат из страстного сочинения последнего «Письма ко всем», где антибуржуазные настроения занимают важное место. В послании «К буржуазии» он восклицает: «...омерзительное чудовище, имя которому *собственность!*» Поэтому в его обращении «К будущим людям» появляется и анархизм: «...достигнем наконец желанного социализма, где все люди будут трудиться, где все люди будут сыты и счастливы, анархизма, где все будут одинаково свободны!»; далее эта связь анархизма и полной свободы еще раз подчеркнута: «...теперь вы, счастливы, дожили до анархизма, до полного уничтожения экономического рабства» (Свенцицкий В. Письма ко всем. (Памфлет). М., 1907. С. 37, 72, 73).

¹²⁵ Иванов В. И. О «факельщиках» и других именах собирательных. С. 54. В своем ответе на статью Семенова Чулков подчеркнул это особо, процитировав по-французски свое отрицание за «мистическим анархизмом» роли самостоятельной литературной школы (Перевал. 1907. № 10. С. 51).

¹²⁶ В житейском и идейном отношении Поярков в определенный момент был близок к Иванову, который написал рецензию на его поэтический сборник «Солнечные песни» (Весы. 1906. № 7). В недатированном письме к Ал. Чеботаревской, предположительно осени 1904 года, Поярков признавался: «Я собираюсь к зиме издать свою книгу о новой русской поэзии (В. Иванов, В. Брюсов, Бальмонт, Скорпион, Гриф, Новый путь, Северные цветы и т. д.). Я буду справедлив, строг по отношению всех <так>, кроме Вяч. Иванов<а>, к которому я питаю особенную нежность» (РО ИРЛИ. Ф. 189. № 139. Л. 2 об.).

¹²⁷ Поярков Н. Молодые искатели // Юность. 1907. № 2/3. С. 12.

¹²⁸ Дымов О. Преображение быта // Перевал. 1907. № 6. С. 20.

¹²⁹ Брюсов откликнулся на нее статьей (Весы. 1907. № 9).

программу которого составлял «философский и социальный радикализм». Из современных теоретиков анархизма в журнале широко публиковались труды А. Борового,¹³⁰ парижского приятеля А. Яценко, книги которого он там же рецензировал. Здесь Боровой составил себе имя в модернистских кругах, а его работа «Революционное миросозерцание», апология анархистской революционности, открывавшая «Перевал», заслужила высокую оценку даже Андрея Белого, предубежденного в тот момент против «мистического анархизма».¹³¹ В отличие от скептически настроенных «Весов», в «Перевале» С. Н. Шумаковым подробно и внимательно рецензировалась каждая отечественная и переводная работа по анархизму.

Среди сниженных, но схожих по задачам культурных предприятий этого времени следует упомянуть и сборник «Белый камень»¹³² (1907), намеренно скандальное детище А. Бурнакина, по-штирнеровски названное «альманахом индивидуального искусства и индивидуальной мысли». Сквозь предфутуристические грубости Бурнакина (ср.: «в красочном отношении “Золото лазури” для меня всего-навсего — *сусало с синькой*»¹³³) проглядывает не только недовольство

¹³⁰ См. письмо от 27 сентября 1906 года к нему тогдашнего секретаря редакции В. Ходасевича с обсуждением условий первой публикации (Из «секретных» фондов в СССР / Публ. Дж. Мальмстада // Минувшее. 1993. Вып. 12. С. 343).

¹³¹ *Taciturno* <Бугаев Б.> [Рец. на:] Боровой А. Революционное миросозерцание (М., 1907)] // Перевал. 1907. № 6. С. 58–59. В «Весах» из всего творчества Борового заслужил краткой рецензии лишь его перевод книги А. Амона «Социализм и анархизм»: после полного разгрома ее содержания («...задался целью доказать доказанное», «...в нем нет ошибок, но... нет и ничего нового») ядовито подчеркивалось, что вступительная статья переводчика полна дифирамбов автору (*Alexander* <Брюсов А. Я.> [Рец. на:] А. Амон. Социализм и анархизм. Социологические этюды. Перевод С. Б. Ш. под редакцией и с предисловием А. А. Борового // Весы. 1906. № 10. С. 67). В официальных кругах эта работа была также замечена и послужила одним из поводов для привлечения Борового к судебной ответственности, которой он смог избежать, лишь скрывшись в Париже (см.: Боровой А. «Париж был и остается значительнейшим фактом моей биографии...» / Публ. С. В. Шумихина // Диаспора. Новые материалы. 2004. Вып. VI. С. 9).

¹³² Заглавие, очевидно, отсылает к соответствующему фрагменту из Апокалипсиса: «Имеющий ухо да слышит, что Дух говорит церквям: побеждающему дам вкушать сокровенную манну, и дам ему белый камень и на камне написанное новое имя, которого никто не знает, кроме того, кто получает» (Откр. 2: 17). Возможно, оно было также спроецировано на название политического и утопического романа А. Франса «На белом камне», который вышел отдельным изданием в 1905 г. Роман был замечен в России и заслужил несколько откликов (подробнее см.: Неизданная статья М. Волошина об Анатоле Франсе / Предисл. и публ. П. Р. Заборова // Волошин М. Из литературного наследия. Т. II. С. 85–101).

¹³³ Бурнакин А. От Сциллы к Харибде и оттуда... в пролет двух стульев // Белый камень. С. 104. Возможно, снижению здесь подвергается также источник беловского

сложившимся распределением литературных сил, но и востребованность этого недовольства. Модная «анархия», хотя и под новым обличьем, появляется неизбежно:

Сходит пророк с вышних дорог,
К небу воздевши Скрижали.
Новый Закон сносит нам он.
Новый Закон Беззаконья
Мы на вершинах стяжали.¹³⁴

Годом позднее один из авторов альманаха, Н. Н. Русов, уже в роли редактора сам собрал менее шумный сборник под названием «Корона» (1908). Его рассказ «Мистик», открывавший книгу, выглядит как отражение литературной моды того сезона на мистицизм. Основная коллизия в помещенной там же повести Н. Пояркова «Красный цветок» — тоже показательный пример умонастроений. Это рассказ о русском парижском художнике, колеблющемся между чистым, декадентским искусством и общественностью и выбирающем, несмотря на свой успех, уход в коммуну французских анархо-синдикалистов, чтобы спастись «от тоски и апатии».¹³⁵

«Тоска и апатия», переживание «безвременья», понятого как отсутствие событий — другими словами, нормальная, спокойная жизнь — помещались русскими модернистами на отрицательный полюс. Они, от Блока до Горького, конструировали эту враждебную область скучного, буржуазного, распределенного. Как только возникало ощущение замедления течения истории, литературной в том числе, модернисты делали все, чтобы начать опять, по-новому. За время своей дальнейшей истории модернизм, если судить по сменам умонастроений, несколько раз проходил через эпохи «упадочные» и революционно-«анархистские», эпохи разлада с властью и совпадения

заглавия — мистика В. Соловьева (ср. в «Трех свиданиях» о появлении Вечной Женственности: «Пронизана лазурью золотистой», «Вдруг золотой лазурью все полно»).

¹³⁴ Бурнакин А. Белый камень: Цикл // Там же. С. 11. Несмотря на сопровождавшее этот проект пренебрежение со стороны «высокой» литературы, за творчеством Бурнакина следили и дальше, оба издания сборника «Разлука. Песенник» заслужили внимание и Кузмина (Аполлон. 1911. № 2), и Гумилева (Там же. 1912. № 5). Оба рецензента, не сговариваясь, осудили стилизации Бурнакина из народной песенной лирики, не забыв указать и на логичный конец этой «псевдорусскости», постоянное его сотрудничество в «Новом времени». Между тем в рецензии Кузмина справедливо отмечено, что бурнакинская лирика — «сколок с <...> ритмов и отчасти настроений» Городецкого (с. 60).

¹³⁵ Поярков Н. Красный цветок // Корона. [М., 1908]. Кн. 1. С. 62.

с ней, «скучные» и «веселые». Эти колебания настроений в общем плане соответствуют колебаниям русского общества и в целом совпадают с эпохами революций и началом Первой мировой войны. Описание этого пути есть описание восприятия модернистами исторического времени, или темпоральности русского модернизма, и является насущной задачей как для историков литературы, так и для историков общества. Но уже сейчас ясно, что любимое время модернизма — это несущееся время революции, ассоциированной с творчеством, постоянным созданием новых форм в искусстве, биографии и обществе.

Из наблюдений над модернистским историзмом

Что означает «отношение писателя к истории»? Как история связана с личной, проживаемой во времени жизнью конкретного человека? Поскольку реконструировать эти связи в полноте невозможно, нас интересует, быть может, важнейшая из них: как человек ощущает и как, соответственно, называет то время, в которое он живет. Это название, позаимствованное или собственное, как-то коррелирует с той картиной мира, которая определяет отношение человека к современности.

Одним из важных источников при описании «духа современности» для русских символистов был Ф. Ницше с восприятием ее как упадка, декаданса и отвращением к ней. Отсюда общее восприятие современности как переходной эпохи, перелома, перевала, стыка. Ощущение пограничности объединяет деятелей самых разных кругов и исторических моментов рубежа веков. Примечательно, что эта современность простиралась достаточно длительное время. Бросим взгляд хотя бы на названия: два периодических издания под заглавием «Перевал», 1906–1907 и 1920-х годов, а также одноименный раздел в «Весах» и серия статей Андрея Белого 1917–1918 годов «На перевале. Кризис сознания/мысли/культуры», такого же названия статья Е. Аничкова в сборнике «Православие и культура», статья А. Воронского «На перевале» и сборник его статей «На стыке» (1923). «Стык» — название сборника московского цеха поэтов, собранного С. Городецким под патронажем А. Луначарского в 1925 году. Л. Троцкий в 1923 году оценивал Б. Пильняка как писателя революции, быт которой «бивуачен», «эпизодичен», временный, наспех сколоченный, это «исторический перевал».¹

Такую же серию составляют кризисы:² «Кризис гуманизма», подзаголовок статьи Вяч. Иванова «Кручи» (1919) и его же статья

¹ Троцкий Л. Литература и революция. М., 1923. С. 5. Ср. восприятие современности как переходной в терминах искусствознания: «Барокко — ангел катастроф. Мы переживаем эпоху барокко, из которой не можем вырваться. Что-то даст нам война?» (Аксенов И. А. Пикассо и окрестности. М.: Центрифуга, 1917. С. 10).

² В статье «Несколько вопросов относительно концептуальной истории “кризиса”» Р. Козеллек указывает, что кризис принадлежит к базовым, фундаментальным греческим понятиям, он родствен глаголу *krino*, означающему отделять, отбирать, судить, решать. У Фукидида так обозначались решающие битвы, которые завершали персидские войны, у Гиппократа — решающая битва смерти и жизни, а в Новом Завете — Страшный суд. В средние века, как пишет Козеллек, по мере применения терминов телесности к государству, «кризис» отделяется от медицины, и Руссо употребляет его уже как независимую метафору. Далее он, как и «прогресс» и «революция»,

1905 года «Кризис индивидуализма». Как кризис описывалась современность писателями эмигрантского журнала «Утверждения», «органа объединения пореволюционных течений». В нем конституируется «пореволюционное поколение» и даже «пореволюционная идеология». Близость Н. Бердяева к журналу отчасти задавала его тематику (см. его «Открытое письмо к пореволюционной молодежи» в первом номере). Поэтому в его программных статьях постоянно велась речь о «переломе истории», современном кризисе как кризисе «гуманистические-индивидуалистического мировоззрения».³ Эту идею тоже можно рассматривать как вариант эсхатологических ожиданий. Согласно Франку Кермоуду («The Sense of an Ending», 1967), понимание конца мира как перманентного кризиса, непрерывной сепарации грешников и праведников, характеризует как оригинальную апостольскую, так и богословскую мысль, Средних веков в особенности. Лишь застывшая советская идеология исключила кризис из описания российской действительности, зарезервировав, впрочем, для него важное место в экономической и политической реальности Европы, о чем уже в течение 1920-х годов говорили западные интеллектуалы.⁴

«Перевал» и «кризис» в таком случае принадлежат к терминам темпоральности, т.е. к таким, которые привлекаются для характеристики текущего исторического момента. Само понятие «темпоральности» широко распространено в исторической науке и связано по крайней мере с двумя ее направлениями. Первое, наиболее нам здесь близкое, воплощается в работах Р. Козеллека и его прямых и косвенных учеников, таких как С. Керн с его популярной книгой «Культура времени и пространства» (1983). Во избежание путаницы

становится темпоральным понятием, а их исходное, «натуральное» значение распадается в эпоху Просвещения. Он постепенно движется в сторону историко-философского использования, например Козеллек его находит у Лейбница. В качестве такого он занимает фундаментальное положение: по мере того как весь ход истории начинает мыслиться как зависимый от диагностики времени, понимание современности оказывается исходной точкой для понимания прошлого и прогноза на будущее. Но не было придумано общей теории кризиса, несмотря на то что это понятие стало ключевым интерпретатором для любой исторической ситуации. Исключение составляет лишь Якоб Буркхардт, а так теория кризиса развивалась лишь в психиатрии и политических науках (*Koselleck R. Some Questions Regarding the Conceptual History of «Crisis» // Koselleck R. The Practice of Conceptual History. Timing History, Spacing Concepts. Stanford, 2002. P. 229–230, 237–239*).

³ Холодилов А. Кризис // Утверждения. 1932. № 3. С. 44.

⁴ См. типичное массовое эмигрантское издание с обзором основных мнений: Гогель С. К. Кризис современной культуры. Берлин, 1923. Ср. также восприятие революции 1917 года в России как затянувшегося кризиса в кн.: Крамарж К. П. Русский кризис / Пер. с чеш. А. С. Изгоева. Прага; Париж, 1925.

упомянем и второе направление, работающее с темпоральностью — это социальные историки и социологи истории. По мнению Эдгара Кайзера, для социальной истории центральными являются два концепта — «событие» (event) и temporality. Первый из них противопоставлен «происходящему» (happening) как единичное, уникальное произошедшее, имевшее большие последствия. Темпоральность здесь — это в первую очередь изучение порядка следования событий, причем основное допущение — что он влияет на то, как эти события случились. Для описания важны все параметры порядка: расе, duration, cycles, trajectory. Некоторые социологи выделяют гипотетическую eventful temporality, т. е. такое надысторическое время, где существуют только события. Так, три революции (французская, русская и китайская), которые можно сопоставить, оказываются как бы в одном таком времени (пример — классическая книга Т. Скокпола (Skocpol) «States and Social Revolutions» (1979)).⁵

В упомянутой работе об истории понятия «кризис» Козеллек рассматривает три семантических его модели: один перманентный («История как постоянный суд», изречение Ф. Шиллера), который хорошо подходит ко многим идеологиям до гитлеризма включительно, другой — как периодически возвращающийся, это касается в особенности описаний экономических кризисов, которые пользуются метафорами Просвещения, и, наконец, кризис как финальный и единственный, вроде религиозного или марксистского. Этот последний тип Козеллек остроумно называет «перспективной иллюзией», перенесением опыта жизни человека на исторический процесс. Кризис, понятый как Страшный суд, как Апокалипсис, выражается в ускорении времени. Прочерчивание Богом последних времен, если посмотреть на этот топос исторически, сопровождается распознаванием примет этого ускорения в событиях. Например, как пишет Козеллек, Мартин Лютер был убежден, что по мере приближения к концу месяца начнут сворачиваться в недели, недели в дни и так далее, пока день и ночь не сольются, а Фрэнсис Бэкон во все уменьшающихся интервалах между естественно-научными открытиями видел большие ожидания и надежды на предфинальное улучшение природы. Лейбниц, по сведениям Козеллека, тоже замечал это ускорение и считал его свидетельством того, что мир быстрее идет к лучшему порядку. Ученый указывает, что об ускорении времени писал Якоб Буркхардт в своих «Размышлениях о мировой истории»

⁵ Kiser E. The Revival of Narrative in Historical Sociology // The History and Narrative Reader / Ed. by G. Roberts. London; New York, 2001. P. 320–321.

(«Weltgeschichtliche Betrachtungen»), говоря о скорости событий, несущихся как фантомы. И среди наблюдений С. Керна, которые постулированы как всеобщие, убедительной кажется часть, относящаяся к переживанию ускоренного исторического времени.

Об актуальности этой идеи для русского модернизма свидетельствует появление ее в базовом для русского модернизма апокалиптическом тексте, «Трех разговорах» В. Соловьева. Здесь г-н Z., голос автора, уже в первом разговоре отмечает «теперешний ускоренный ход истории».⁶ Русский модернизм, несомненно, переживал ускорение истории. В. Свенцицкий и В. Эрн писали в своем трактате «Взыскующим Града» (1906), который они упорно и парадоксально называли «дневником»: «В нашу исключительную эпоху ускоренной, лихорадочной жизни все достоинства и недостатки, правда и ложь резче обыкновенного бросаются в глаза».⁷ М. Волошин удачно связал ощущение несущегося времени и циклической его модели (будучи увлеченным теософом, он имеет в виду реинкарнацию, перевоплощение душ) в стихотворении «Тесен мой мир. Он замкнулся в кольцо...» из цикла «Когда время останавливается» (1904):

Время порывисто дует в лицо.
Годы несутся огромными птицами.
<...>
Все мы уж умерли где-то давно...
Все мы еще не родились.⁸

Ему вторил Вяч. Иванов в стихотворении «Время» из сборника «Прозрачность»:

И Ткач все тклет; и Демон от погони
Не опочит.
Как мертвый вихрь, несут нас глухо кони —
Нас Время мчит.⁹

Конечно, главными, кто был захвачен идеей скорости, Керн объявляет футуристов, а также прослеживает след этого в рождении регтайма, джаза и смены ритмов в «Весне священной» И. Стравин-

⁶ Соловьев В. С. Три разговора. М., 1991. С. 23.

⁷ Свенцицкий В., Эрн В. Взыскующим Града. М., 1906. С. 10.

⁸ Волошин М. Собр. соч. М., 2003. Т. 1. С. 38.

⁹ Иванов В. Собр. соч.: В 4 т. Брюссель, 1971. Т. I. С. 699.

ского, равно как в появлении спроса на карманные часы и рождении «телеграфного стиля».¹⁰ Но у этого был еще один аспект.

Переменчивость литературной моды — существенная черта артистической жизни начала XX века. Еще З. Г. Минц подытоживала свои наблюдения над «периодом кризиса» в русском символизме: «“Новое искусство”, особенно в XX в., эволюционировало стремительно. Произведения каждого следующего его этапа появлялись в годы, когда представители предшествующего еще создавали порой самые значительные свои произведения».¹¹ Высказываний деятелей культурной жизни рубежа веков, так или иначе касающихся чувства бегущего времени, чрезвычайно много. Вот один из примеров. И. Ясинский в предисловии к сборнику Филиппа Родина «Сиреневые зори» сетовал: «В старину сборники стихов издавались не скоро. Поэты сначала долго писали, и их предварительно признавали литературные круги; потом произведения их ходили в списках по рукам; только тогда уже они добывались — и это считалось большой честью — быть изданными отдельной книгой. <...> Теперь издаются, кажется, уже на школьной скамье, не успев изучить ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Полонского, ни Майкова, ни других русских классиков. Об иностранных классиках уже не говорю. Спешат выявить себя. К гремящим в садах русской словесности птичьим хорам присоединить и свой голос или голосок; а нет голоса, то и писк, и щебетание, и карканье, и клекот — что попало. Главное — обратить на себя внимание. Иные кувыркаются, печатают свои “стихи” без размера, без рифм, без знаков препинания, притворяются сумасшедшими, радуются, когда найдут настоящего сумасшедшего, группируются вокруг него и подражают ему: другие — плетут кружева из слов и звуков, ведут счет буквам в самых затейливых их сочетаниях, сочиняют секстины, сонеты, рондо, газеллы, гарусные и бисерные вышивки, притворяются ювелирами и пьянистами, которые ударяют носом по клавишам в затруднительных случаях, а посоловьиному все-таки никто не поет; и сады шумят, но уже редко кто прислушивается к “звукам сладким”: затыкают уши».¹² Приведем еще

¹⁰ Kern S. *The Culture of Time and Space. 1880–1918.* Cambridge, 1983. P. 121–124.

¹¹ Минц З. Г. К изучению периода «кризиса символизма» (1907–1910) // Минц З. Г. Блок и русский символизм: Избр. труды: В 3 кн. СПб., 2004. Кн. 3: Поэтика русского символизма. С. 215.

¹² Ясинский И. К «Сиреневым зорям» // Родин Ф. Сиреневые зори. Лирика / Вступ. ст. И. И. Ясинского-Белинского и Пимена Карпова. Пг., 1916. С. 3–4. Судя по всему, Ясинский имеет в виду футуристов и их «настоящего сумасшедшего» Хлебникова, а также «пассеистическое» в широком смысле направление в русской поэзии (акмеисты и символисты-неоклассики).

одно характерное высказывание Ю. Верховского в рецензии на второй сборник В. Бородаевского, изданный в ивановских «Орах» и снабженный его предисловием: «В наши торопливые дни, когда двадцатилетние поэты участвуют в нескольких журналах и выпускают одну книгу стихов за другую, когда в литературе так много “литературщины”, и в искусстве — механической “выделки” и поверхностной “сноровки”, невольное уважение внушает поэт, уединившийся от литературной обыденщины, укрывший свой заветный труд от минутного любопытства прохожих в тесноте рабочей комнаты или в тайном просторе замкнутой души — пока строгий внутренний голос не скажет ему: “Пора!”».¹³ В свете этого высказывания намеренно неторопливый стиль самого Верховского, автора длинных стихотворных дружеских посланий, можно понять в том числе как противостояние этой спешке. Следовать спешке или противостоять ей — вопрос лишь модуса поведения.

Прямым следствием этого был рост поэтических школ и кружков, а также счет литературного времени на дни и недели. Так продолжалось до начала 1920-х годов, и перемену заметил Ю. Тынянов, чьи работы насыщены наблюдениями над быстротой литературного процесса. В знаменитом «Промежутке» (1924) он, сделав попутное замечание, что многочисленные поэтические школы в конце 1910-х — начале 1920-х годов дифференцировались до того, что совпали с одним поэтом — что сделало прозу доминантной в литературе, — рассуждал: «Эта смена школ одиночками характерна для литературы вообще, но самая стремительность смен, самая жестокость борьбы и быстрота падений — темп нашего века. XIX век был медленнее. У нас нет поэтов, которые бы не пережили смены своих течений, — смерть Блока была *слишком* закономерной».¹⁴ Как обычно, слова Тынянова несут на себе не только следы безошибочной научной интуиции, но и современного ему момента. Занимаясь пушкинской эпохой, он не мог не знать, что знаменитая статья Н. Чернышевского «Очерки русской литературы гоголевского периода» (1856)

¹³ *Верховский Ю.* Поэты и стихи // Отклики художественной жизни. 1910. № 3. 28 окт. Стлб. 98. Ср. также в рецензии Г. Чулкова на «Вечер» А. Ахматовой: «В наши торопливые дни, когда Бальмонт, Вяч. Иванов, Блок и еще два-три их соратника кажутся “старыми” поэтами, в дни, когда появилось несколько десятков молодых стихотворцев, искусных и даровитых, нелегко заметить нового настоящего поэта, но Ахматову нельзя не заметить: так странно звучит ее сдержанный и тихий голос и так загадочно скупы ее слова...» (Жатва. М., 1912. Кн. III. С. 275).

¹⁴ *Тынянов Ю.* Промежуток // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977. С. 169.